

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

Донатто КАРРИЗИ

Впервые на русском!

ОХОТНИК ЗА ТЕНЬЮ

В этом романе Карризи откроет вам
темную душу Вечного Города...

Звезды мирового детектива

Донатто Карризи

Охотник за тенью

«Азбука-Аттикус»

2014

УДК 821.131.1
ББК 84(4Ита)-44

Карризи Д.

Охотник за тенью / Д. Карризи — «Азбука-Аттикус»,
2014 — (Звезды мирового детектива)

ISBN 978-5-389-14962-5

В романе известного итальянского писателя Донато Карризи «Охотник за тенью» вновь действуют Маркус, священник, расследующий преступления, порой неведомые даже полиции, и Сандра Вега, фотограф-криминалист. Снимая сцены преступления, Сандра иногда закрывает глаза, пока ее камера фиксирует мельчайшие детали. Фон действия – Рим, мрачный ночной город, весьма далекий от красочных открыток, где незримый убийца преследует влюбленные пары. В погоне за тенью Зла Маркус и Сандра объединяют свои усилия. Им важно понять, чем руководствуется убийца, а главное – как выследить и обезвредить монстра. Впервые на русском!

УДК 821.131.1
ББК 84(4Ита)-44

ISBN 978-5-389-14962-5

© Карризи Д., 2014
© Азбука-Аттикус, 2014

Содержание

Пролог	6
Часть первая	12
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Донатто Карризи

ОХОТНИК ЗА ТЕНЬЮ

Donato Carrisi
IL CACCIATORE DEL BUIO
Longanesi & C. © 2014 – Milano
All rights reserved

© А. Миролюбова, перевод, 2018
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2018
Издательство АЗБУКА®

* * *

Ибо Иисус повелел нечистому духу выйти из сего человека, потому что он долгое время мучил его, так что его связывали цепями и узами, сберегая его; но он разрывал узы и был гоним бесом в пустыни. Иисус спросил его: как тебе имя? Он сказал: легион, – потому что много бесов вошло в него.

Евангелие от Луки, 8: 29–30

Мы для богов – что мухи для мальчишек:

Им наша смерть – забава.

Шекспир. Король Лир

Перевод Т. Л. Щепкиной-Куперник

Пролог

Охотник за тенью

Мы приходим в мир и умираем в беспмятстве.

То же случилось и с ним. Он родился во второй раз, но сначала должен был умереть. И заплатил за это свою цену: забыл, кто он такой.

«Я не существую», – твердил он снова и снова, ибо то была единственная доступная ему истина.

Пуля, пронзившая ему висок, унесла с собой его прошлое, а вместе с тем его личность. Но не затронула общую память и речевые центры: странное дело, но он говорил на многих языках.

Эти редкие лингвистические способности – единственное, что было в нем определенного.

Лежа в Праге на больничной койке, он ждал, когда поймет наконец, кто он такой, и вот однажды проснулся ночью и увидел у своего изголовья мужчину, кроткого на вид, с черными волосами, причесанными на косой пробор, с мальчишеским выражением лица.

– Я знаю, кто ты.

Эти слова должны были принести облегчение, но оказались лишь прелюдией к очередной тайне, ибо человек в темной одежде тотчас же положил перед ним два запечатанных конверта.

В одном, объяснил он, находится чек на предъявителя на двадцать тысяч евро и паспорт на вымышленное имя, куда остается только вклеить фотографию.

Во втором – истина.

Посетитель сказал, что он сам должен решить, но торопиться не нужно, времени предостаточно. Ведь узнать о себе все не всегда благо, так что ему предоставляется вторая возможность.

– Подумай хорошенько, – посоветовал он. – Знаешь, сколько людей хотели бы оказаться на твоём месте? Сколько людей мечтают, чтобы амнезия навсегда стерла из памяти все ошибки и падения, всю боль прошлого и можно было бы начать сначала, с чистого листа? Если ты выберешь этот путь, послушайся меня и выбрось второй конверт, даже не открывая.

Чтобы облегчить ему решение, гость рассказал, что там, снаружи, никто не ищет его и не ждет. Нет у него ни привязанностей, ни семьи.

И посетитель удалился, унося с собой свои тайны.

А он все смотрел на конверты, смотрел до рассвета и в последующие дни. Что-то подсказывало ему: тот человек знал, что он в итоге выберет.

Проблема была в том, что он сам этого не знал.

То странное ночное предложение подразумевало, что содержимое второго конверта ему вряд ли понравится. «Я не знаю, кто я такой», – твердил он себе, но вскоре понял, что какую-то часть своей личности в состоянии постигнуть: прожить остаток жизни в сомнениях ему не под силу.

Поэтому в вечер перед выпиской из больницы он выбросил конверт с чеком и паспортом на вымышленное имя – чтобы не передумать. Потом вскрыл тот, где таилась разгадка.

В конверте лежал билет на поезд до Рима, немного денег и адрес церкви.

Сан-Луиджидеи Франчези.

Целый день он искал эту церковь. Отыскав, уселся на скамью в глубине центрального нефа и несколько часов любовался шедевром архитектуры, совершенным слиянием ренессанса и барокко. Туристы, толпившиеся у алтаря, не обращали на него внимания. Его самого ошело-

мила такая красота. Среди образов, какими питалась его девственная память, ничего подобного, скорее всего, не было: творения, окружавшие его сейчас, вряд ли можно было с легкостью забыть.

И он пока не знал, какое отношение имеет к нему все это.

Когда поздним вечером посетители потянулись прочь из церкви, подгоняемые близящейся грозой, он спрятался в одной из исповедальниц. Просто не знал, куда ему еще идти.

Массивные двери заперли, свет выключили, только свечи мерцали в темноте. Снаружи полил дождь. От раскатов грома вздрагивало пламя свечей.

И тогда раздался голос, гулко прозвучавший в пустом здании:

– Маркус, иди посмотри.

Значит, вот как его зовут. Он услышал свое имя, но это не произвело ожидаемого эффекта. Просто набор звуков, ни о чем не говорящий.

Маркус выбрался из укрытия и пошел искать человека, которого видел один-единственный раз, в Праге. Нашел его за колонной: он стоял перед одним из боковых приделов. Стоял спиной к проходу, не двигаясь с места.

– Кто я?

Человек не ответил. По-прежнему смотрел прямо перед собой: на стене маленькой капеллы висели три картины крупного формата.

– Караваджо создал эти полотна между 1599 и 1602 годом. «Призвание», «Вдохновение» и «Мученичество святого Матфея». Мое любимое – последнее. – Он указал на картину, висевшую справа. Потом обернулся к Маркусу. – Согласно христианским преданиям, святой Матфей, апостол и евангелист, был убит.

Святой на картине сбит с ног, и его убийца занес меч, готовясь нанести смертельный удар. Свидетели в ужасе разбегаются, предвидя то, что должно случиться, давая свершиться злу, которое вот-вот восторжествует. Матфей, вместо того чтобы покориться судьбе, протягивает руку, словно пытаясь остановить острие, избежать мученичества, которое сделает его святым, подарит вечное блаженство.

– Караваджо вел рассеянную жизнь, посещал самые злые места Рима, и на тот или иной сюжетный ход в картине его частенько наталкивало то, что он видел на улице. В данном случае – насилие. Поэтому попробуй представить себе, что в этой сцене нет ничего святого или душеиспасающего, что в ней участвуют обычные люди... Что ты видишь?

Маркус задумался на мгновение:

– Убийство.

Собеседник медленно кивнул и прибавил:

– Кто-то выстрелил тебе в голову в том гостиничном номере в Праге.

Дождь зашумел сильнее, гулким эхом отдаваясь в церкви. Маркус подумал, что ему неспроста показали картину. Ему предлагалось задаться вопросом: кем он сам мог быть в этой сцене? Жертвой или палачом?

– Другие, глядя на эту картину, видят спасение, а я различаю только зло, – признался Маркус. – Почему?

Молния сверкнула за окнами, осветив вitraжи. Человек улыбнулся:

– Меня зовут Клементе. Мы с тобой священники.

Это открытие Маркуса глубоко потрясло.

– Часть тебя, которую ты забыл, различает признаки зла. Аномалии.

Маркус не мог поверить, что обладает таким талантом.

Тут Клементе положил ему руку на плечо:

– Есть место, в котором мир света встречается с миром сумерек. Там-то и происходит главное: в краю теней, где все разрежено, смутно, нечетко. Ты был стражем, призванным

охранять эту границу. Ибо время от времени что-то прорывается в наш мир. Твоей задачей было изловить это и отправить обратно во мрак.

Последнюю фразу священника заглушил раскат грома.

– Много лет назад ты произнес клятву: никто не должен знать о твоём существовании. Никто и никогда. Только в миг между тем, как сверкнет молния, и тем, как ударит гром, ты можешь назвать себя.

В миг между молнией и громом...

– Так кто же я? – Маркус силился понять.

– Последний представитель священного ордена. Пенитенциарий. Ты забыл о мире, однако и мир забыл обо всех вас. Но когда-то люди называли вас охотниками во мраке.

Ватикан – самое маленькое суверенное государство в мире.

Оно занимает не больше половины квадратного километра в центре Рима, за базиликой Святого Петра. Его пределы ограждены крепкими стенами.

Некогда весь Вечный Город принадлежал папе. Но когда в 1870 году Рим был присоединен к новосозданному королевству Италии, понтифик укрылся внутри этого крохотного анклава и оттуда осуществляет свою власть.

Как независимое государство, Ватикан имеет территорию, население и правительственные структуры. Его граждане разделяются на лиц духовных и светских, в зависимости от того, приняли они обеты или же нет. Некоторые живут внутри стен, иные – за их пределами, на итальянской территории, и каждый день мотаются к месту работы, в одно из множества управлений и ведомств, проходя в какие-то из пяти врат, через которые только и можно проникнуть в Ватикан.

За стенами имеется вся инфраструктура и службы. Супермаркет, почтовое отделение, небольшая больница, аптека, судебная палата, действующая на основе канонического права, и маленькая электростанция. А еще – посадочная площадка для вертолетов и даже железнодорожная станция, правда исключительно для передвижений понтифика.

Государственный язык – латынь.

Кроме базилики, папской резиденции и правительственных зданий, на территории этого маленького города расположены обширнейшие сады и музеи Ватикана; последние ежедневно посещают тысячи туристов со всего мира, которые напоследок восхищаются, задрав носы, великолепным потолком Сикстинской капеллы и фреской Микеланджело «Страшный суд».

Там и случилось чрезвычайное происшествие.

Около четырех, за два часа до официального закрытия музеев, охрана принялась вежливо выпроваживать посетителей, не предлагая никаких объяснений. В то же самое время на остальной территории маленького государства светскому персоналу было предложено удалиться в свои жилища, внутри стен или за их пределами. Те, кто жил внутри, должны были оставаться у себя вплоть до дальнейших распоряжений. Приказ касался и духовных лиц, которым было велено вернуться в квартиры или удалиться в кельи ватиканских монастырей.

Швейцарская гвардия, корпус папских наемников, которых с 1506 года набирают исключительно в католических кантонах Швейцарии, получила приказ закрыть все входы в город, начиная с ворот Святой Анны. Городской телефон отключили, сотовую связь заблокировали.

К шести часам этого холодного зимнего дня крепость оказалась совершенно отрезана от мира. Никто не мог ни войти, ни выйти, ни связаться с кем-либо.

Кроме двоих человек, которые прошли по двору Святого Дамасо и Лоджиям Рафаэля.

На всей обширной территории садов была прекращена подача электричества. Шаги их гулко отдавались в абсолютной тишине.

– Быстрее, у нас только полчаса, – поторопил Клементе.

Маркус понимал, что полная изоляция долго не продлится, рано или поздно у кого-то снаружи возникнут подозрения. Друг сообщил ему, что для средств массовой информации наскоро приготовили версию: карантин якобы введен ради проверки нового плана эвакуации в случае угрозы.

Однако настоящую причину следовало держать в строгом секрете.

Оба священника, зайдя в сады, включили фонарики. Сады эти занимают двадцать три гектара, половину всей территории Ватикана. Есть там сад итальянский, английский и французский; там собраны образцы флоры со всего света. Сады эти – гордость понтификов. Многие папы прогуливались, размышляли, молились среди цветущих растений.

Маркус и Клементе прошли по аллеям, обсаженным кустами букса, которым садовники придали форму, не уступающую мраморным скульптурам. Скользнули в тень высоких пальм и ливанских кедров, под плеск сотен фонтанов, украшающих парк. Попали в розарий, устроенный Иоанном XXIII, где весной расцветали розы, носящие теперь имя святого понтифика.

Из-за высоких стен с римских улиц с их хаотическим движением доносился беспорядочный гвалт. Но там, где они очутились, царила абсолютная тишина и ничто не нарушало покой.

Но мира здесь все-таки нет, подумал Маркус. Больше нет. Мир нарушен тем, что случилось сегодня днем, когда обнаружили произошедшее.

Там, куда направились пенитенциарии, природу, в отличие от других садов, никто не приручал. В самом центре зеленых легких столицы располагалась зона, где деревья и кусты могут произрастать свободно. Лес площадью в два гектара.

Единственное, что там делали, – это периодически подбирали валежник. Чем, собственно, и занимался садовник, забивший тревогу.

Маркус и Клементе поднялись на холм. С его вершины посветили фонариками вниз, на полянку, в центре которой представители корпуса жандармерии¹ желтой лентой огородили небольшой участок. Агенты уже исследовали место происшествия, собрали все вещдоки, а потом получили приказ удалиться.

Чтобы смогли прийти мы, сказал себе Маркус. Подошел к натянутой ленте, посветил фонариком и увидел.

Человеческий торс.

Обнаженный. Ему тут же пришел на память Бельведерский торс, изувеченная статуя Геркулеса, которой вдохновлялся Микеланджело, выставленная как раз в музеях Ватикана. Но не было ничего, напоминающего о высоком искусстве, в останках женщины, с которой так зверски расправились.

Кто-то отрубил ей голову, ноги и руки. Части тела были разбросаны на расстоянии нескольких метров, вместе с лоскутами темной одежды.

– Известно, кто она такая?

– Монахиня, – ответил Клементе. – Здесь есть небольшая обитель, очень строгих правил, сразу за лесом. – Он показал рукой вперед. – Имя женщины держат в тайне, это одно из правил ордена, в который она вступила. Но не думаю, чтобы в этом случае имя нам чем-то помогло.

Маркус нагнулся, чтобы лучше рассмотреть. Белая кожа, маленькие груди, пах, бесстыдно выставленный напоказ. Белокурые волосы, очень коротко остриженные, обычно покрытые платом, виднелись теперь на отрубленной голове. Голубые глаза воздеты к небу, словно в молитве. «Кто ты?» – взглядом спросил ее пенитенциарий. Ведь есть судьба хуже смерти: умереть безымянной. «Кто это сделал с тобой?»

– Время от времени сестры гуляли в лесу, – продолжал Клементе. – Сюда почти никто не заходит, никто не мешает им молиться.

¹ Корпус жандармерии Ватикана отвечает за безопасность, общественный порядок, пограничный контроль, контроль дорожного движения, уголовный розыск и выполняет другие общие полицейские обязанности в Ватикане.

Жертва избрала затворничество, подумал Маркус. Приняла постриг, чтобы вместе с сестрами жить вдали от человечества. Никто не должен был больше увидеть ее лицо. Но вместо этого ее тело послужило непристойной демонстрацией чьей-то злобы.

– Выбор этих сестер понять нелегко, многие считают, что лучше творить добро среди людей, чем затворяться в стенах монастыря, – рассуждал Клементе, будто читая мысли товарища. – Но моя бабушка всегда говорила: «Ты не представляешь, сколько раз эти сестры спасали мир своими молитвами».

Маркус не знал, во что ему верить. Насколько он понимал, перед лицом такой смерти мир вряд ли что-то могло спасти.

– За многие века здесь не случалось ничего подобного, – прибавил друг. – Мы к этому совсем не подготовлены. Жандармерия проведет внутреннее расследование, но она не располагает необходимыми техническими средствами. Нет ни судмедэксперта, ни криминалистов. Не будет ни вскрытия, ни проверки отпечатков пальцев, ни анализа ДНК.

Маркус повернулся к нему:

– Тогда почему не попросить помощи у итальянских властей?

В соответствии с договорами, заключенными между двумя государствами, Ватикан мог в случае необходимости прибегнуть к помощи итальянской полиции. Но помощь эта требовалась только для того, чтобы следить за толпами паломников, наводнявших базилику, или предотвращать мелкие кражи на площади перед ней. Полномочия итальянской полиции заканчивались у подножия лестницы, ведущей к Святому Петру. Во всяком случае, если не было специального обращения.

– Этого не будет, все уже решено, – отрезал Клементе.

– Как же мне проводить расследование внутри Ватикана – ведь меня заметят и, хуже того, узнают, кто я такой?

– Но ты и не станешь проводить его здесь. Кто бы это ни сделал, он явился извне.

Маркус ничего не понимал.

– Откуда тебе это известно?

– Мы знаем его в лицо.

Такой ответ ошеломил пенитенциария.

– Тело лежит здесь по меньшей мере восемь-десять часов, – продолжал Клементе. – Этим утром, очень рано, камеры видеонаблюдения зафиксировали в зоне садов подозрительного человека. Он был одет как служитель, но, похоже, униформа была украдена.

– Почему он?

– Сам посмотри.

Клементе протянул ему распечатку фотографии. Человек, одетый в форму садовника, лицо частично скрыто под козырьком кепки. Европеоидной расы, возраст неопределенный, но, скорее всего, за пятьдесят. Серая сумка через плечо, на дне – пятно более темного оттенка.

– Жандармы уверены, что в этой сумке лежал топорик или нечто подобное. Его недавно использовали: пятно, которое ты видишь, скорее всего, кровь.

– Почему топорик?

– Только такое оружие он мог бы здесь найти. Извне через кордоны, охрану, металлодетекторы он пронести ничего не мог, это исключено.

– Но он все-таки унес орудие преступления с собой, чтобы замести следы, в случае если жандармы обратятся к итальянской полиции.

– На выходе все гораздо проще, там нет контроля. И потом, чтобы уйти, не бросаясь в глаза, достаточно смешаться с толпой паломников или туристов.

– Садовый инвентарь...

– Сейчас как раз проверяют, все ли на месте.

Маркус снова взглянул на останки молодой монахини. Непроизвольно стиснул медальон, который носил на шее: архангел Михаил с огненным мечом. Покровитель пенитенциариев.

– Нам пора, – объявил Клементе. – Время вышло.

Тут из леса донеслись шорохи. Кто-то двигался по направлению к поляне. Маркус поднял глаза и увидел, что в темноте обозначилась вереница теней. У некоторых в руках были свечи. При слабом свете этих огоньков он распознал фигуры с покрытыми головами. Лица занавешены темной тканью.

– Это сестры, – шепнул Клементе. – Пришли забрать тело.

При жизни только они могли видеть ее лицо. После смерти они единственные могли позаботиться о погребении. Таково правило.

Клементе и Маркус отошли в сторону. Сестры молча окружили жалкие останки. Каждая из них знала, что ей делать. Кто-то расстелил белое полотно, другие стали подбирать с земли фрагменты тела.

Только тогда Маркус расслышал звуки. Согласный гул, происходящий из-под ткани, закрывающей лица. Литания. Они молились на латыни.

Клементе схватил Маркуса за руку и потащил прочь, но в этот момент одна из сестер прошла рядом. И он отчетливо расслышал фразу:

– *Hic est diabolus.*

Дьявол здесь.

Часть первая

Соляной мальчик

1

У ног Клементе лежал холодный ночной Рим.

Никто бы не сказал, что человек в темной одежде, прижавшийся к балюстраде, – священник. Дворцы и купола простирались под ним, базилика Святого Петра выше прочих. Величественная панорама, открывающаяся с холма Пинчо, неизменная в веках, на фоне которой всегда кишела жизнь, крохотная и брэнная.

Клементе смотрел на город, не оборачиваясь на звук шагов, раздававшихся за его спиной.

– Ну, что скажешь? – спросил он, не дожидаясь, пока Маркус подойдет.

– Ничего.

Клементе кивнул, нисколько не удивившись, потом повернулся к другу-пенитенциарию. У Маркуса был измученный вид, на лице многодневная щетина.

– Сегодня исполняется год.

Клементе молча заглянул ему в глаза. Он знал, о чем речь: исполнился год с того момента, как в садах Ватикана нашли расчлененный труп монахини. За этот немалый срок расследование пенитенциария ни к чему не привело.

Никаких следов, никаких улик, даже ни единого подозрения. *Ничего.*

– Думаешь отступить? – спросил он Маркуса.

– А что, разве я могу? – вскинулся тот. Убийство монахини явилось для него суровым испытанием. Охота за человеком, запечатленным на фотографии с камер видеонаблюдения, – европеоидной расы, за пятьдесят – оказалась безуспешной. – Никто его не опознал, никто его не видел. Мы знаем его в лицо, вот что меня больше всего бесит. – Маркус помолчал, глядя на друга. – Нужно перепроверить всех мирян, работающих в Ватикане. А если опять ничего не всплывет, приняться за священников.

– Никто из них не похож на фотографию – к чему терять время?

– Кто может поручиться, что убийце никто не помогал? Не покрывал его? – Маркус никак не мог успокоиться. – Ответ – там, в стенах Ватикана; там я и должен вести расследование.

– Ты же знаешь, существует запрет. Тебе туда нельзя по причине секретности.

Маркус знал, что секретность – отговорка. Просто в Ватикане боялись, что, сунув нос в дела церкви, он обнаружит нечто вовсе не относящееся к данной истории.

– Я заинтересован только в том, чтобы поймать убийцу. – Он встал лицом к другу. – Ты должен убедить прелатов снять запрет.

Клементе махнул рукой, с ходу отменяя это предложение как несусветную глупость.

– Я даже не знаю, кто обладает достаточной властью, чтобы это сделать.

Под ними на площади дель Пополо роились туристы, выехавшие на ночную экскурсию по достопримечательностям Рима. Знают ли они, что именно там когда-то росло ореховое дерево, под которым похоронили императора Нерона, «монстра», приказавшего, как о том твердили его враги, в 64 году после Рождества Христова поджечь Рим? Римляне верили, что это место населено злыми духами. Поэтому в XI веке понтифик Пасхалий II повелел сжечь ореховое дерево вместе с откопанным прахом императора. Потом там построили церковь Санта-Мария дель Пополо, где до сих пор на главном алтаре можно увидеть барельеф, изображающий, как папа римский собирается рубить дерево Нерона.

Вот он, Рим, пронеслось в голове у Маркуса. Место, где за любым фасадом скрывается очередная тайна. Весь город окутан легендой. И никто не смеет по-настоящему проникнуть в скрытый смысл вещей. Все, что угодно, только не возмутить душевный покой этих людей. Мизерных, ничтожных созданий, не ведающих, какая война постоянно скрытно ведется вокруг них.

– Придется так или иначе смириться с тем, что мы никогда его не поймаем, – сказал Клементе.

Но Маркус не желал сдаваться.

– Кто бы ни был этот человек, он знал, как вести себя внутри стен. Он изучил местность, процедуры контроля: ему удалось обмануть службу безопасности.

То, что он сделал с монахиней, – зверство, скотство. Но то, как он это сделал, выдает некую логику, продуманный план.

– Я понял одну вещь, – с уверенностью проговорил пенитенциарий. – Выбор места, жертвы, способа казни – все это послание.

– Кому?

Nic est diabolus, подумал Маркус. Дьявол вторгся в Ватикан.

– Кто-то хочет сообщить, что в Ватикане обитает нечто ужасное. Это доказательство, понимаешь? Некий тест... Он предвидел дальнейшее: возникнут затруднения и расследование застопорится. В высоких сферах предпочтут оставить нас во власти сомнений, только бы не докопаться до правды, ведь неизвестно, что может выйти на свет. Может, очередная погребенная истина.

– Это серьезное обвинение, ты не находишь?

– Разве ты не понимаешь, что именно этого и хотел убийца? – упрямо гнул свое Маркус.

– Почему ты так в этом уверен?

– Иначе он убил бы снова. Но не убил: ему достаточно знать, что сомнение пустило корни и что зверское убийство несчастной монахини – ничто перед лицом более ужасных тайн, которые любой ценой следует хранить.

Клементе заговорил в своем обычном примирительном тоне:

– У тебя нет доказательств. Это только теория, плод твоих размышлений.

Но Маркус не отступал.

– Прошу тебя: дай мне поговорить с ними, я постараюсь их убедить. – Он имел в виду церковных иерархов, от которых друг получал инструкции и задания.

С тех самых пор, как три года назад Клементе нашел его, потерявшего память, полного страхов, на больничной койке в Праге, Маркус ни разу не слышал от него лжи. Часто он дожидался подходящего момента, чтобы раскрыть другу глаза, но не солгал ни разу.

Поэтому Маркус ему доверял.

Можно даже сказать, что Клементе заменял ему семью. В эти три года, за редким исключением, он представлял собой единственную связь пенитенциария с человеческим родом.

«Никто не должен знать о тебе и о том, что ты делаешь, – постоянно твердил он. – На карту поставлено само существование того, что мы представляем, и исполнение задачи, которая нам доверена».

Его наставник всегда говорил, что высшим кругам известно только то, что он существует.

Один Клементе знает его в лицо.

Когда Маркус спросил, к чему такая секретность, друг ответил ему: «Так ты сможешь защитить их от них самих. Разве не понятно? Если все прочие меры окажутся бесполезными, если барьеры рухнут, кто-то должен стоять на страже. Ты – последняя линия обороны».

И Маркус все время задавался вопросом: если он – самая нижняя ступень этой лестницы, человек для тайных поручений, преданный слуга, которого призывают, когда надо погрузить

руки в материю тьмы, выпачкать их, а Клементе – всего лишь связной, то кто находится на вершине?

В эти три года он старался как мог, стремился выглядеть верным вассалом в глазах того, кто – в этом Маркус был уверен – оценивал с высоты все, что он делает. Надеялся, что это позволит ему пробиться в высшие сферы, познакомиться с кем-то, кто объяснит наконец, чему служит столь неблагодарная миссия. И по какой причине именно его избрали для ее выполнения. Утратив память, он не мог сказать, насколько давним было такое решение, играл ли он, Маркус, до Праги какую-то иную роль.

Ничего подобного.

Клементе передавал ему приказы и поручения, исходившие, по-видимому, от Церкви в ее неизменной и порой неизреченной мудрости. И все-таки за каждым поручением просматривалась чья-то тень.

Всякий раз, когда он хотел узнать больше, Клементе закрывал тему, произнося одну и ту же фразу, терпеливо, с кротким, добродушным выражением на лице. Чтобы обуздать претензии Маркуса, он и сейчас, на террасе, перед блеском, скрывающим тайны города, произнес эти слова:

– Нам не подобает спрашивать, нам не подобает знать. Нам подобает лишь повиноваться.

2

Три года назад врачи сказали, что он родился во второй раз.

Неправда.

Он умер, и все. А удел мертвых – исчезнуть навсегда или остаться призраком в предыдущей жизни, будто в заточении.

Таким он себя ощущал. *Я не существую.*

Печален удел призрака. Он наблюдает за серыми буднями живых, за их страданиями, за их стремлением угнаться за временем, за тем, как они впадают в бешенство по пустякам. Смотрит, как они борются с проблемами, которые судьба перед ними ставит каждый день. И завидует им.

Обиженный призрак, сказал он себе. Вот кто я такой. Ведь живые всегда будут иметь перед ним преимущество. У них есть выход: они еще могут умереть.

Маркус бродил по улочкам старого города, люди шли мимо, его не замечая. В толпе он обычно замедлял шаг. Ему нравилось, когда прохожие второпях задевали его. Эти мимолетные прикосновения только и позволяли ощущать, что он еще принадлежит к человеческому роду. Но умри он здесь и сейчас, его тело подобрали бы с мостовой, отвезли в морг, а поскольку никто бы не явился затребовать труп, похоронили бы в безымянной могиле.

Такова цена служения. Дань, выражающаяся в безмолвии и самоотречении. Но порой стоило труда это принять.

Район Трастевере всегда был сердцем народного Рима. Чуждый благородному величию дворцов в историческом центре, он обладал особым очарованием. Смену эпох наглядно выражала архитектура – средневековые строения соседствовали с особняками восемнадцатого века: история сгладила противоречия. Сампьетрини – бруски из темного порфира, которыми со времен папы Сикста V мостили улицы Рима, – казались покровом из черного бархата, наброшенным на узкие, извилистые улочки, и шаги прохожих, ступавших по камням, отдавались гулким, ни с чем не сравнимым звуком. Эхом старины. Так что у любого, кто забредал в эти места, складывалось впечатление, будто он переместился в прошлое.

Маркус замедлил шаг, остановился на углу улицы делла Ренелла. Людской поток, каждый вечер захлестывавший квартал, мирно продолжал струиться перед ним под музыку и гомон, долетавшие из ресторанчиков, которые привлекали в Трастевере молодых туристов из поло-

вины мира. Люди эти, какими бы они ни были разными, в глазах Маркуса ничем не отличались друг от друга.

Стайкой промчались двадцатилетние американки в слишком коротких шортах, насквозь промокшие: они, наверное, ошибочно полагали, будто в Риме всегда стоит лето. С ногами, посиневшими от холода, они ускоряли шаг, кутаясь в толстовки с логотипом колледжа, высматривая бар, где можно укрыться от дождя и пропустить стаканчик, чтобы согреться.

Влюбленная пара лет сорока вышла из траптории. Помедлила в дверях. Она смеялась, он обнимал ее за талию. Женщина чуть откинулась назад, положив руку на плечо партнера. Тот внял призыву и поцеловал ее. Бенгалец, торгующий вразнос розами и спичками, заметил это и остановился, дожидаясь, пока закончится изъяснение пылких чувств, в надежде, что пара захочет озаглавить встречу покупкой цветка или им просто захочется покурить.

Трое парней слонялись, держа руки в карманах, озираясь вокруг. Маркус был уверен, что они ищут кого-то, кто им продаст наркотики. Они еще этого не знали, но с другой стороны улицы к ним шел алжирец, готовый удовлетворить их запросы.

Благодаря своей способности оставаться невидимым, Маркус невозбранно наблюдал за людьми и их маленькими слабостями. Но это мог проделывать любой наблюдатель, умеющий концентрировать внимание. Его дар – его проклятие – заключался в другом.

Он видел то, чего не видели другие. Видел зло.

Он умел различать его в деталях, в *аномалиях*. Крохотных прорехах в ткани обыденности. Инфразвук, исходящий из хаоса.

С ним это случалось постоянно. Он обладал этим даром против своего желания.

Сначала он увидел девушку. Она кралась вдоль стен, темное пятно, скользящее по облупленной штукатурке фасадов. Шла сгорбившись, потупив взгляд, сунув руки в карманы кожаной куртки. Пряди ярко-розовых волос закрывали лицо. Ботинки на каблуках прибавляли ей росту.

Маркус заметил мужчину, шедшего впереди, только потому, что тот замедлил шаг и обернулся, чтобы проверить, идет ли она следом. Бросил на нее такой взгляд, будто дернул за ошейник. Мужчине явно было за пятьдесят. Светлое кашемировое пальто, коричневые ботинки, дорогие, начищенные до блеска.

Неопытному наблюдателю могло показаться, будто это отец и дочь. Он, менеджер или специалист с именем, забрал из злачного места строптивую девчонку и ведет ее домой. Но все было не так просто.

Когда они добрались до двери, мужчина пропустил девушку вперед, но потом сделал нечто выбивающееся из сюжета: прежде чем в свою очередь переступить порог, огляделся, дабы убедиться, что никто не следит за ним.

Аномалия.

Зло проходило перед ним ежедневно, и Маркус знал, что решения нет. Никто не в силах исправить все несовершенства мира. И, хоть и скрепя сердце, он усвоил новый урок.

Чтобы пережить зло, иногда нужно сделать вид, будто его не замечаешь.

Чей-то голос отвлек его от созерцания закрывающейся двери.

– Спасибо, что подвезла, – говорила подруге блондинка, выходя из автомобиля.

Маркус забился в угол, и она прошла мимо, глаз не сводя с экранчика сотового, который сжимала в руке. В другой руке она несла большую сумку.

Маркус часто приходил сюда только затем, чтобы на нее посмотреть.

Они встречались раза четыре, не больше, когда эта женщина, почти три года назад, приехала из Милана в Рим, чтобы выяснить, как погиб ее муж. Маркус хорошо помнил все, что они друг другу сказали, вплоть до последнего слова, и ее лицо, до малейшей черты. Одно из благодатных последствий амнезии: новая память, готовая пополняться.

Сандра Вега была единственной женщиной, с кем он общался все это время. И единственным посторонним человеком, кому открыл, кто он такой.

Он помнил слова Клементе. В прежней своей жизни Маркус принес клятву: никто не должен знать о его существовании. Он невидим для всех. Пенитенциарий мог показать себя, выдать свою истинную сущность *только в миг между тем, как сверкнет молния, и тем, как ударит гром*. Хрупкий отрезок времени, который может продлиться миг, или маленькую вечность, кто знает. Все возможно на гребне волны, когда воздух насыщен волшебной энергией, трепещет ожиданием, – там все постижимо. В этот момент, ненадежный, нечеткий, призраки вновь приобретают человеческие очертания. И являются живым.

Это случилось и с ним – во время мощной грозы, на пороге ризницы. Сандра спросила, кто он такой, и он ответил: «Я – священник». Он рисковал. Сам даже точно не знал почему. Или знал, но только сейчас смог себе признаться.

Он испытывал к этой женщине странное чувство. Было между ними что-то общее. Кроме того, Маркус ее уважал, ведь ей удалось оставить боль позади. Она выбрала этот город, чтобы начать все сначала. Попросила перевести ее в другое отделение, сняла маленькую квартиру в Трастевере. Завела новых друзей, обрела новые интересы. Снова стала улыбаться.

Маркуса всегда изумляли перемены. Наверное, потому, что ему измениться было невозможно.

Ему были известны передвижения Сандры, ее расписание, ее маленькие привычки. Он знал, куда она ходит за продуктами, где любит покупать одежду, в какой пиццерии обедает по воскресеньям после похода в кино. Иногда, как сегодня вечером, она поздно возвращалась домой. Но не казалась расстроенной, только усталой: допустимый осадок напряженно проживаемой жизни, состояние, которое снимается горячим душем и спокойным сном. Окалина счастья.

Порой, в один из тех вечеров, когда он поджидал ее, стоя под окнами ее дома, Маркус думал, что было бы, если бы он вышел из тени ей навстречу. Возможно, она его и не узнала бы вовсе.

Но Маркус ни разу так не поступил.

Вспоминала ли о нем Сандра? Или оставила его позади вместе с болью? От одной этой мысли на душе кошки скребли. Как и от той, что, имея он даже мужество к ней подойти, это было бы бесполезно, ведь продолжения не могло последовать.

И все-таки он не мог отказаться от привычки искать ее.

Он смотрел, как Сандра входит в дом и, через окна парадной, как она поднимается по лестнице до своей квартиры. Вот остановилась у двери, роется в сумке, ищет ключи. Но дверь отворилась, и на пороге возник мужчина.

Сандра улыбнулась ему, а он наклонился и поцеловал ее.

Маркус хотел бы отвести взгляд, но не сделал этого. Смотрел, как они вошли в квартиру и закрыли за собой дверь. Оставили снаружи прошлое, призраков вроде него и все зло мира.

Звуки электроники. Мужчина, голый, растянулся лицом вверх на супружеском ложе. В ожидании играет в игру на сотовом телефоне. Поставил паузу, поднял голову над выступающим животом.

– Эй, ты, поторопись, – окликнул он девчонку с ярко-розовыми волосами, которая в ванной вкалывала себе в руку дозу героина. Потом вернулся к игре.

Вдруг на лицо ему опустилось что-то мягкое, приятное на ощупь. Но ощущение от кашемира продлилось всего миг, потом мужчина стал задыхаться.

Кто-то с силой прижимал ему к лицу его собственное пальто.

Он инстинктивно замолотил ногами, задвигал руками, ища, за что бы уцепиться: он захлебывался, но не в воде. Схватил за руки незнакомца, прижавшего его к кровати, пытаясь

высвободиться, но тот, кто бы он ни был, оказался сильнее. Хотел завопить, но из горла вышли только жалкие булькающие хрипы. Потом услышал, как кто-то шепчет ему на ухо:

– Ты веришь в привидения?

Он был не в состоянии говорить. И даже если бы смог, не знал бы, что ответить.

– Что ты за монстр такой: оборотень, вампир?

Он захрипел. Цветные точки, плясавшие перед глазами, превратились в сверкающие огни.

– Должен ли я выстрелить в тебя серебряной пулей или вонзить в сердце осиновый кол? Знаешь, почему осиновый, а не из какого-то другого дерева? Потому что крест, на котором распяли Христа, был сделан из осины.

Сила отчаяния только и могла ему помочь, поскольку организм уже поддавался удушью. Ему пришли на память объяснения инструктора по подводному плаванию, во время поездки на Мальдивы с женой и детьми два года назад. Все, что советовал он делать при первых симптомах кислородного голодания. Сейчас это не спасло бы его, но он все равно вспомнил. Для развлечения они ныряли у коралловых рифов, мальчишкам нравилось. Хороший выдался отпуск.

– Я хочу, чтобы ты родился заново. Но сначала ты должен умереть, – заявил незнакомец.

Мысль о том, что он захлебнется, утонет в себе самом, привела его в ужас. Не сейчас, не теперь, беззвучно взмолился он. Я еще не готов. Тем временем силы иссякали. Пальцы его разжались, он отпустил противника и только бессмысленно махал руками.

– Я знаю, каково это, умирать. Еще немного, и все будет кончено, сам увидишь.

Руки мужчины вытянулись вдоль тела, он дышал с трудом, воздуха не хватало. Я хочу позвонить, подумал он. Всего один звонок. Попрощаться.

– Ты теряешь сознание. Когда очнешься – *если* очнешься, – ты вернешься к семье, друзьям, всем, кто хоть немного любит тебя в этом гнусном мире. И ты станешь другим. Они никогда ни о чем не узнают, но ты-то будешь знать. И если тебе повезет, ты забудешь об этой ночи, этой девчонке и о других таких же, как она. Но обо мне ты никогда не забудешь. И я не забуду о тебе. Потому что, послушай... Я спасаю тебе жизнь. – И он произнес четко, по слогам: – Постарайся быть этого достойным.

Мужчина больше не шевелился.

– Он мертв?

Девчонка смотрела, стоя у изножья кровати. Она была голая и слегка покачивалась. На руках синяки от многочисленных инъекций.

– Нет, – сказал Маркус, убирая с лица мужчины кашемировое пальто.

– Кто ты такой? – Одурманенная наркотиком, она щурилась: вся сцена, видимо, расплывалась у нее перед глазами.

Маркус заметил на тумбочке бумажник. Взял его, вынул оттуда все деньги. Встал и двинулся к девчонке, которая инстинктивно отпрянула, рискуя потерять равновесие. Он схватил ее за руку и вложил деньги в ладонь. И приказал строго:

– Убирайся отсюда.

Девчонка долго пыталась осмыслить услышанное, скользая взглядом по лицу Маркуса. Потом нагнулась, подобрала вещи и стала одеваться, одновременно пятясь к двери. Открыла ее, но перед тем, как уйти, обернулась, будто о чем-то забыла.

И показала на свое лицо.

Инстинктивно Маркус тоже поднял руку и нащупал что-то липкое у себя в ноздрях.

Кровотечение.

У него всегда шла носом кровь, когда он решался забыть на время недавно усвоенный урок: нужно сделать вид, будто не замечаешь зло, чтобы его пережить.

– Спасибо, – сказал он, будто эта девочка спасла его, а не наоборот.

– Не за что.

3

То было их пятое свидание.

Они встречались уже около трех недель. Познакомились в спортивном зале. Ходили туда в одни и те же часы. Девушка подозревала, что парень нарочно так подгадал, и это ей льстило.

– Привет, я – Джорджо.

– Диана.

Ему исполнилось двадцать четыре года, она была тремя годами моложе. Он учился в университете, уже писал диплом. По экономике. Диану сводили с ума его кудрявые волосы и зеленые глаза. И улыбка, открывавшая безупречные зубы, разве что немного выступал левый резец. Эта выбивающаяся из ряда деталь ей невероятно нравилась. Ведь избыток совершенства утомляет.

Диана знала, что она хорошенькая. Невысокая, но фигурка ладная, все на месте; карие глаза и прекрасные черные волосы. Закончив среднюю школу, она не стала дальше учиться, а поступила продавщицей в парфюмерный магазин. Платили там немного, но ей нравилось давать клиентам советы. К тому же хозяйка магазина была к ней очень расположена. Но на самом деле она хотела одного: встретить хорошего парня и выйти замуж. Вряд ли можно сказать, что она слишком многого требует от жизни. А Джорджо как раз и мог оказаться «тем самым».

Они поцеловались уже в первую встречу, потом продолжили, но до конца так и не дошли. Пребывали в приятном возбуждении, от которого все вокруг казалось прекрасным.

В то утро ей на мобильник пришло сообщение:

Заеду за тобой в девять? Люблю тебя.

Эсэмэска неожиданно придала ей невероятную энергию. Много раз она спрашивала себя, из чего состоит счастье. Теперь она знала, что счастье – тайна, которую невозможно открыть окружающим. Будто бы кто-то создает это ощущение специально для тебя.

Счастье исключительно.

Счастье Дианы воплощалось в каждой ее улыбке, в каждом слове в течение всего дня, когда она всех заражала весельем. Наверное, клиенты и другие продавцы заметили это. Конечно заметили. Она наслаждалась ожиданием, и сердце то и дело принималось биться сильнее, напоминая, что свидание приближается.

В девять часов, когда она спускалась по лестнице к Джорджо, который ждал внизу, это счастье, уже не связанное с ожиданием, приобрело другую форму. Диана была благодарна за этот день. И если бы не скрытое в нем обещание будущего, она бы хотела, чтобы день этот никогда не кончался.

Диана подумала о последней эсэмэске Джорджо. Она в ответ написала только «Да» и поставила улыбающуюся мордочку. Даже не повторила «Люблю тебя», рассчитывая сказать эти слова сегодня же вечером, лицом к лицу.

Да, он – «тот самый», ему это можно сказать.

Джорджо повез ее к морю, в Остию, поужинать в ресторанчике, о котором рассказывал в их первую встречу. Казалось, прошла целая вечность с того вечера, когда они болтали и болтали, боясь, возможно, что даже короткая пауза заставит их усомниться в том, что у них все получится. За ужином пили шипучее белое вино. Опьянев, Диана начала подавать своему спутнику недвусмысленные знаки.

Около одиннадцати они сели в машину и направились в Рим.

Ей было холодно в юбчонке, и Джорджо включил обогрев на максимальную мощность. Но Диана все равно жалась к нему, прислонялась к его плечу, поднимала глаза, заглядывая в лицо. Никто из двоих не проронил ни слова.

Из стереомагнитофона доносилась композиция «Сигур Роус»².

Привстав на цыпочки, Диана сбросила туфли. Одна, затем другая с легким стуком упали на коврик. Она теперь его девушка, она может себе позволить некоторые вольности.

Не сводя глаз с дороги, Джорджо протянул руку, чтобы погладить ее колено. Она прижалась теснее, чуть не мурлыкая. Потом почувствовала, как его ладонь скользит по колготкам, залезает под юбку. Она это позволила и, ощутив, что пальцы его добрались до центра, чуть раздвинула ноги. Даже сквозь колготки и трусики он мог прощупать, какой силы достигло уже ее желание.

Она прикрыла глаза, поняв, что машина замедлила ход, чтобы съехать с автострады и по проселочным дорогам добраться до обширного соснового леса.

Диана ожидала, что это произойдет.

Несколько сотен метров они проехали на малой скорости по дороге, окруженной высокими соснами. Иголки, скопившиеся на асфальте, скрипели под шинами. Потом Джорджо свернул налево, в самую чашу.

Как бы медленно они ни ехали, машина подпрыгивала на ухабах. Чтобы избежать толчков, Диана свернулась калачиком на сиденье.

Вскоре Джорджо остановил машину и выключил мотор. Музыка тоже смолкла. Слышался только затихающий рокот двигателя, да все громче и громче ветер шумел в ветвях. Раньше им не было слышно ветра, и теперь казалось, будто в этом шорохе скрыта какая-то тайна.

Джорджо откинул сиденье, обнял ее. Поцеловал. Диана ощутила, как нежно проскользнул его язык между ее раздвинутых губ. Она ответила на поцелуй. Он завозился с мелкими пуговичками на ее блузке, задрал майку, нащупал бюстгальтер. С минуту помедлил, ища крючки. Потом просунул под него пальцы, приподнял и освободил грудь, которую тут же стиснул.

Неповторимое ощущение, когда кто-то открывает тебя впервые, подумала Диана. Поддаешься ему и в то же время представляешь себе, что испытывает он. Чувствуешь его возбуждение, его удивление.

Она протянула руки, чтобы вытащить ремень и расстегнуть на нем брюки, а он тем временем пытался стащить с нее юбку вместе с колготками. При этом губы их не переставали сближаться, словно без поцелуев обоим не хватало воздуха.

В какой-то момент Диана бросила взгляд на приборную доску, посмотреть, который час, надеясь, что еще не слишком поздно, испугавшись вдруг, что вот-вот запиликает мобильник: мать позвонит и разрушит все очарование.

Движения их сделались более торопливыми, ласки более глубокими. Очень скоро они сняли с себя всю одежду и созерцали друг друга в редкие моменты между поцелуями, когда открывали глаза. Но смотреть было необязательно, они учились познавать друг друга иными чувствами.

Потом он погладил ее по щеке, и она поняла, что момент настал. Немного отодвинулась: сейчас, наверное, Джорджо спросит почему, боясь, что она передумала. И тогда она скажет: «Люблю тебя», слова, которые приберегала для него весь этот день. Но, не обращая на нее внимания, Джорджо медленно повернулся к ветровому стеклу. Это задело ее самолюбие: с чего вдруг любимый отвернулся. Хотела было потребовать объяснений, но осеклась. В ошеломленном взгляде Джорджо читался вопрос. Тогда приподнялась и Диана.

Перед капотом кто-то стоял. И пристально смотрел на них.

² «Сигур Роус» (в переводе с исланд. – «роза победы») – исландская пост-рок-группа, основанная в 1994 г.

4

С постели ее сорвал телефонный звонок.

Поступил приказ немедленно отправляться в сосновый лес вблизи Остии, без дальнейших объяснений.

По-быстрому надевая форму, тихонько, чтобы не разбудить Макса, Сандра старалась от всего отрешиться. Такие звонки случались редко. Но когда случались, это было как выброс адреналина, приступ страха, удар ниже пояса.

Поэтому надо подготовиться к худшему.

Сколько сцен преступления посетила она со своим фотоаппаратом? Сколько трупов дожидалось ее? Изуродованных, оскверненных или просто неподвижно застывших в нелепой позе. Перед Сандрой Вегой стояла неблагоприятная задача запечатлеть этих людей в последний раз.

Кому сегодня предстоит получить снимок на память о собственной смерти?

Найти нужное место оказалось нелегко. Еще не поставили полицейское ограждение, за которое могут заходить только те, кто имеет на это право. Не мигал проблесковый маячок. Не толпились сотрудники, не громоздились технические средства. Когда Сандра подъехала, основная часть группы находилась еще в пути, да и нужны они все были только для солидности. Для средств массовой информации, для властей, для того, чтобы люди чувствовали: их хорошо охраняют.

В самом деле, в тот момент только один патруль стоял у въезда на дорогу, уводившую в лес. Чуть впереди – фургон и пара машин. Никакого парада в честь двоих новопреставленных. Пора зрелищного развертывания сил еще не наступила.

Но войско прибывало на поле битвы, заранее потерпев поражение.

Поэтому люди, по-настоящему необходимые для расследования, уже были здесь, сбившиеся в жалкую кучку. Прежде чем присоединиться к группе, Сандра вынула из багажника сумку с оборудованием и, не зная еще, что ее ожидает, надела белый комбинезон с капюшоном, чтобы не загрязнить место преступления.

Комиссар Креспи шагнул ей навстречу. Обозначил ситуацию одной скупой фразой:

– Тебе не понравится.

Потом они вдвоем углубились в чашу.

Прежде чем эксперты примутся за поиски улик и вещдоков. Прежде чем коллеги-полицейские зададутся вопросом, что здесь случилось и почему. Прежде чем ритуал расследования начнется официально, дело было за ней.

И все стояли вокруг в ожидании. Сандра чувствовала себя так, будто опоздала на торжественное мероприятие. Люди вполголоса переговаривались, искоса поглядывали на нее, когда она проходила мимо, надеясь, что фотограф поторопится и они смогут приступить к работе. Двое полицейских допрашивали бегуна, который во время утренней тренировки наткнулся на этот ужас, приведший их всех сюда. Спортсмен сидел на бревне, сжав голову руками.

Сандра шла следом за Креспи. Неправдоподобную тишину соснового леса нарушал шелест иголок под их подошвами, но еще более – приглушенное дребезжание мобильного. На этот звук Сандра почти не обратила внимания, сосредоточившись на сцене, которая понемногу вставала перед ней.

Коллеги ограничились тем, что натянули по периметру красно-белую ленту. В центре стоял автомобиль, все дверцы которого были распахнуты настежь. Согласно протоколу, единственный, кто к этому моменту проник за ограждение, был судмедэксперт.

– Астольфи только что засвидетельствовал смерть, – объявил комиссар Креспи.

Сандра разглядела хилого, маленького человечка, который был похож скорее на кабинетного работника. Завершив свое дело, он вылез из-под ленты и теперь машинально курил, собирая пепел в ладонь. Но глаз не сводил с машины, словно ему не давала покоя какая-то мысль.

Когда Сандра и Креспи подошли, он заговорил, не отрывая взгляда от сцены преступления:

– Для отчета мне понадобится по меньшей мере два снимка с каждого ранения.

Только в эту минуту Сандра поняла, что привлекало внимание судмедэксперта.

Отдаленное дребезжание мобильного.

И поняла также, почему никто не мог прекратить этот звук. Он доносился из машины.

– Мобильник девушки, – пояснил Креспи, хотя Сандра и не спрашивала. – Он в сумочке, на заднем сиденье.

Кто-то беспокоился из-за того, что она ночью не вернулась домой. И теперь искал ее.

Кто знает, сколько времени мобильник звонил. И полицейские ничего не могли поделать. Спектакль должен идти по сценарию, еще слишком рано для финальной сцены. И ей придется заниматься фотосъемкой под этот душераздирающий аккомпанемент.

– Глаза открыты или закрыты? – спросила она.

Такой вопрос могли понять только те, кто привык посещать места преступлений. Иногда убийцы, даже самые жестокие, закрывали жертвам глаза. От стыда, не из милосердия.

– Глаза открыты, – ответил судмедэксперт.

Этот убийца как раз хотел, чтобы на него смотрели.

Мобильник, безразличный ко всему, повторял и повторял свой громкий призыв.

Задача Сандры состояла в том, чтобы сцена застыла до того, как непогода и поиски ответов исказят ее. Фотоаппарат служил ей ширмой, отделял ее от ужаса, от боли. Но из-за этого звона эмоции грозились просочиться сквозь защитный барьер и заставить ее страдать.

Она прикрылась рутиной ремесла, правилами, усвоенными много лет назад, во время обучения. Если она проведет фотосъемку по заданной схеме, все скоро закончится и, может быть, она успеет еще вернуться домой, снова залезть в постель, к Макс, прижаться к его теплоте и сделать вид, будто этот холодный зимний день вовсе не начинался.

От общего к частному: она взяла «рефлекс» и начала снимать.

Вспышка за вспышкой волнами накатывали на лицо девушки, растворяясь затем в холодном ненужном свете зари. Сандра стояла перед капотом, но, сделав с дюжину снимков машины, поставила камеру ниже.

Девушка пристально смотрела на нее через ветровое стекло.

В ее ремесле существовало неписаное правило. И она, и ее коллеги неукоснительно следовали ему.

Если глаза трупа открыты, сделать так, чтобы они не смотрели прямо в объектив.

Это чтобы избежать тягостного впечатления «фотосессии с мертвой моделью». Девушку напоследок, сказала себе Сандра. Она решила начать со второго тела.

Труп находился в нескольких метрах от машины. Опрокинут на землю, лицом в сосновые иглы, руки протянуты вперед. Голый.

– Мужчина, приблизительный возраст от двадцати до двадцати пяти лет, – наговаривала Сандра в микрофон с наушниками, соединенный с записывающим устройством, которое лежало в кармане комбинезона. – Огнестрельное ранение в затылок.

Волосы вокруг входного отверстия были явно обожжены, значит убийца стрелял с очень близкого расстояния.

Сандра поискала в объектив отпечатки следов парня. Обнаружила пару на влажной земле. Отпечаток пятки такой же глубокий, как носка. Он не бежал, а шел.

Не удирал, подумала Сандра.

– Убийца заставил юношу выйти из машины и встал за его спиной. Потом выстрелил. Казнь.

Она нашла еще отпечатки. На этот раз – обуви.

– Следы идут по кругу.

Они принадлежали убийце. Сандра последовала за оставшимися на земле отпечатками, предварительно фотографируя их: камера послушно вбирала в себя изображения, которые затем перейдут в компьютерную память. Подошла к дереву. У его подножия разглядела небольшой квадрат, очищенный от иголок. Надиктовала координаты.

– В трех метрах к юго-востоку поверхностное нарушение целостности почвы. Место как будто расчищено.

Отсюда все началось, подумала она. Здесь он устроил засаду. Сандра подняла объектив, определяя поле обзора убийцы. Отсюда, из леса, можно было хорошо разглядеть машину молодой пары, при этом оставаясь невидимым.

Ты наслаждался зрелищем, да? Или оно тебя взбесило? Сколько времени ты стоял здесь, наблюдая за ними?

Отсюда она продолжила съемку в обратном направлении, следуя к автомобилю по наи-кратчайшей диагонали, повторяющей путь убийцы. Снова очутившись перед капотом, Сандра опять почувствовала на себе взгляд девушки с переднего сиденья, как будто искавший именно ее.

И она во второй раз этот взгляд проигнорировала, занявшись автомобилем.

Она двинулась к заднему сиденью. Там валялась вперемешку одежда обеих жертв. У Сандры сжалось сердце. Она представила себе, как влюбленные готовятся к свиданию, как волнуются, стоя перед шкафом, раздумывая, что бы такое надеть, как понравиться другому, привлечь его: наслаждение, построенное на любви к ближнему.

Они уже были голые, когда монстр их застиг, или он их заставил раздеться? Смотрел, как они занимаются любовью, или вмешался и прервал их? Сандра выкинула из головы эти мысли: не ее дело давать ответы, лучше сосредоточиться на деталях.

Среди одежды лежала черная сумочка, откуда доносились звонки мобильного. К счастью, сейчас он молчал, давая им всем передышку, но скоро затрезвонит снова. Сандра ускорила процесс. Здесь дремал источник боли, и ей не хотелось в самый неприятный момент оказаться слишком близко к этой штуковине.

Дверца, распахнутая со стороны пассажира, открывала нагое тело девушки. Сандра нагнулась к ней.

– Женщина, приблизительно двадцать лет. На трупе нет одежды.

Руки девушки прижаты к бокам; веревкой, какую используют альпинисты, она привязана к сиденью, наклоненному под углом примерно в сто двадцать градусов. Шея отдельно примотана к подголовнику: веревка душила ее при малейшем движении.

В этот спутанный клубок был воткнут большой охотничий нож. Рукоятка торчала из груди. Удар был нанесен с такой силой, что убийца не смог извлечь оружие, пришлось оставить его здесь, заключила Сандра.

«Рефлекс» увековечил полосу запекшейся крови, которая стекла по животу жертвы, а потом, пропитав сиденье, собралась небольшой лужицей между босых ступней и пары туфель на каблуке. Изящных туфель на каблуке, мысленно поправила Сандра. Перед ней предстал воочию романтический вечер.

Наконец, набравшись храбрости, она принялась снимать лицо крупным планом.

Голова слегка склонилась влево, черные волосы встрепаны. Сандре неудержимо захотелось причесать их, пригладить, как младшей сестричке. Она заметила, что девушка очень хорошенькая, с такими тонкими чертами, какие только юность умеет изваять. Там, где ее не смыли

слезы, виднелись следы косметики. Наложенной умело, чтобы прибавить красоты и подчеркнуть ее: похоже, девушка разбиралась в таких вещах.

Работала визажисткой или продавщицей в парфюмерном магазине, подумала Сандра.

Уголки рта, однако, были как-то неестественно опущены. Губы покрывала яркая помада.

Сандру пронзило странное ощущение. Что-то здесь было неправильно, однако в тот момент ей не удалось угадать, что именно.

Она просунулась в салон, чтобы лучше заснять лицо. Следуя правилу фотографов-криминалистов, выбирала ракурсы, позволявшие избежать прямого взгляда в камеру мертвого лица. Ей и самой не хотелось глядеть в эти неживые зрачки, более того, не хотелось, чтобы они смотрели на нее так пристально.

Мобильник снова завершал.

Вопреки всем усвоенным правилам, Сандра невольно закрыла глаза: пусть «рефлекс» сам дощелкает последние кадры. Ей пришлось подумать о тех, кто незримо присутствовал при этой сцене, хотя физически их и не было тут. О матери и отце девушки, о том, как они жаждают ответа, чтобы избавиться наконец от мучительной тревоги. О родителях юноши, которые, может быть, еще и не знают, что их сын сегодня ночью не вернулся домой. О том, кто причинил столько боли и теперь, за километры отсюда, наслаждается тайной радостью убийц, садистской щекоткой в сердце и похваляется тем, что невидим.

Сандра Вега дождалась, пока «рефлекс» завершит работу, и вылезла из тесного салона, где пахло мочой и слишком молодой кровью.

«Кто он?»

Вопрос этот вертелся на языке у всех присутствующих. Кто сотворил это? Чья злая воля?

Когда монстра нельзя опознать в лицо, сойти за него может любой. Каждый смотрит на другого с подозрением, спрашивая себя, что таится под видимостью, и осознает, что за ним самим наблюдают с тем же вопросом во взгляде.

Если человек запятнал себя ужасным злодеянием, под сомнение ставятся не только отдельные люди, но и весь человеческий род, к которому принадлежит злодей.

Поэтому даже полицейские этим утром избегали смотреть друг на друга. Только арест виновного избавит их от проклятия подозрений.

За неимением преступника, оставалось выяснить личности жертв.

Девушка пока оставалась безымянной. И это было благом для Сандры. Она не хотела знать это имя. Зато по номеру машины выяснили имя юноши.

– Его звали Джорджо Монтефьори, – сообщил Креспи судмедэксперту.

Астольфи вписал имя в один из бланков, лежавших у него в прозрачной папочке. При этом он прислонился к фургону из морга, который только что прибыл, чтобы забрать тела.

– Я бы хотел сразу произвести вскрытие, – заявил патологоанатом.

Сандра подумала, что такая спешка связана с тем, что он хочет внести свой вклад в расследование, но вынуждена была от этой мысли отказаться, услышав дальнейшие разъяснения.

– Сегодня мне еще нужно заняться автомобильной аварией и подготовить заключение для суда, – перечислял он без тени сострадания.

Канцелярская крыса, подумала Сандра. Ее возмутило такое отношение к погибшим: неужели они не заслужили больше сочувствия?

Тем временем эксперты-криминалисты завладели местом преступления и начали сбор улик и вещественных доказательств. И как раз в тот момент, когда можно уже было забрать мобильник девушки, аппарат снова смолк.

Сандра перестала следить за разговором судмедэксперта с комиссаром и перевела взгляд на одного из криминалистов, который, вынув мобильник из сумочки, направился к красно-белой ленте, чтобы вручить его сотрудице.

Как только прозвучит новый звонок, ей предстоит ответить. Сандра не завидовала коллеге.

– Ты за утро справишься?

Сандра отвлеклась и не слышала, что ей говорил Креспи.

– Что?

– Я спросил, сможешь ли ты предоставить материалы сегодня утром, – повторил комиссар, показывая на «рефлекс», лежащий в фургоне для оборудования.

– О да, конечно, – поспешила успокоить его Сандра.

– Может быть, прямо сейчас?

Ей бы хотелось удрать и заняться работой в квестуре. Но раз начальник настаивает, делать нечего.

– Хорошо.

Она открыла ноутбук, чтобы подсоединить фотоаппарат и сохранить кадры из карты памяти. Потом она пошлет их по электронной почте и наконец-то выйдет из этого кошмара.

Сандра первой приходила на место преступления, но первой и уходила с него. На этом ее работа заканчивалась. В отличие от коллег, она могла обо всем забыть.

Пока она подсоединяла фотоаппарат, другой полицейский принес Креспи бумажник погибшей девушки. Комиссар открыл его, чтобы проверить, нет ли там документов. Сандра узнала фотографию на удостоверении личности.

– Диана Дельгаудио, – прочел Креспи внезапно севшим голосом. – Двадцать лет, проклятье.

Все ненадолго смолкли.

Не сводя глаз с документа, комиссар перекрестился. Он был верующий. Сандра мало знала его, Креспи был не из тех, кто выставляет себя напоказ. В квестуре его уважали скорее за выслугу лет, чем за особые достижения. Но наверное, для такого преступления он подходил как нельзя лучше. Человек, способный расследовать ужас, не пытаясь поживиться за счет сенсации или продвинуться по службе.

Для двух погибших ребят богобоязненный полицейский мог оказаться великим благом.

Креспи повернулся к полицейскому, который принес бумажник, и вернул его. Глубоко вдохнул и выдохнул.

– Ладно, пойдем сообщим родителям.

И они удалились, оставив Сандру с ее снимками. Тем временем кадры замелькали по экрану ноутбука, скачиваясь из одной памяти в другую. Глядя на них, Сандра быстро прошла по своей утренней работе. Кадров было почти четыре сотни. Один за другим: фотограммы немого фильма.

Ее отвлек звонок мобильного, которого все ждали. Она повернулась к коллеге. Та прочла на дисплее имя звонящего. Провела рукой по лбу и наконец ответила:

– Здравствуйте, синьора Дельгаудио, с вами говорят из полиции.

Сандра не могла уловить, что говорит мать на другом конце связи, но могла представить себе, что она почувствовала, услышав чужой голос и слово «полиция». То, что до сих пор было всего лишь дурным предчувствием, превращалось в чудовищную боль.

– Патрульные выехали к вам, чтобы объяснить ситуацию, – попыталась успокоить ее коллега.

Сандра не могла больше это слушать. Она снова сосредоточилась на кадрах, мелькавших на компьютере, надеясь, что программа быстро загрузит их. Сандра давно приняла решение не иметь детей, поскольку больше всего боялась, что они попадут на такие же фотографии, как те, которые проходили перед ней в этот момент. Лицо Дианы. Отсутствующее выражение. Встрепанные черные волосы. Косметика, расплывшаяся от слез. Губы, изогнутые в некоем подобии грустной улыбки. Взгляд, устремленный в пустоту.

Компьютерная программа почти завершила операцию по скачиванию файлов, когда по экрану пробежал крупный план, не похожий на все остальные.

Сандра инстинктивно нажала на клавишу, останавливая процесс. С сильно бьющимся сердцем вручную вернула кадр, чтобы проверить догадку. Все, что творилось вокруг, внезапно исчезло, словно его утянуло в черную дыру. Осталось только изображение на экране. Как же она не заметила?

Лицо девушки на фотографии оставалось неподвижным.

Сандра стремительно повернулась к месту преступления, ограниченному красно-белой лентой. Потом бросилась бежать.

Глаза Дианы Дельгауди следовали за объективом.

5

– Можно узнать, как такое могло случиться?

Вопли начальника полицейского управления, отдаваясь от расписанных фресками сводов актового зала, разносились по третьему этажу старинного дворца на улице Сан-Витале, где располагалось полицейское управление.

Все шишки сыпались на тех, кто этим утром присутствовал при осмотре места преступления.

Диана Дельгауди выжила. Но поскольку ей не была вовремя оказана помощь, девушка сейчас сражалась со смертью на операционном столе.

Инвективы начальника полицейского управления были в первую очередь адресованы судмедэксперту. Доктор Астольфи сидел на стуле, сторбившись, под прицелом множества взглядов. Он первым произвел осмотр и засвидетельствовал две смерти, ему и отвечать за допущенную халатность.

По его словам, у девушки не было пульса. Низкие ночные температуры, влиянию которых подверглось обнаженное тело, вкупе с тяжестью полученных ран – все это было несовместимо с жизнью.

– В таких случаях достаточно поверхностного осмотра, чтобы признать бесполезность дальнейших усилий, – защищался Астольфи.

– Но ведь она выжила, несмотря ни на что! – кричал начальник полицейского управления, все более входя в раж.

Имело место «благоприятное стечение обстоятельств». В первую очередь – нож, поразивший грудь. Лезвие застряло между ребер, и убийца даже не попытался извлечь его, так и оставил в ране. Поэтому жертва потеряла не слишком много крови. Кроме того, клинок не перерезал ни одной артерии. А еще – полная неподвижность, обусловленная тем фактом, что тело было опутано веревками, спасла девушке жизнь. Отсутствие движений способствовало стабилизации внутренних кровоизлияний, которые иначе привели бы к летальному исходу.

– Таким образом, и переохлаждение превратилось в благоприятный фактор, – заключил судмедэксперт. – Оно позволило сохранить жизненные функции организма.

Сандра не видела ничего «благоприятного» в таком стечении обстоятельств. Клиническая картина Дианы Дельгауди оставалась все-таки крайне тяжелой. Даже если срочное хирургическое вмешательство приведет к положительным результатам, никто не в силах предугадать, что за жизнь ожидает ее.

– Мы успели сообщить отцу и матери о том, что их дочь скончалась! – выпалил начальник, давая присутствующим понять, до какой степени полиция потеряла лицо вследствие медицинской ошибки.

Сандра обвела взглядом зал. Некоторые коллеги наверняка думают, что родителям девушки, по крайней мере, дарована надежда. Очевидно, что так считает комиссар Креспи. Но

в его случае благочестивый католик имеет преимущество перед полицейским. Для верующего Бог действует согласно своим неизреченным замыслам, и в любом явлении, даже самом скорбном, всегда таится послание, доказательство или поучение. Но Сандра в это не верила. Даже была убеждена, что очень скоро судьба снова постучится в двери семьи Дельгаудио, словно посыльный, который по ошибке вручил им пакет с подарком, а теперь явился его забрать.

Частично Сандра испытывала тайное облегчение оттого, что все указывали на Астольфи как на виновника утреннего провала.

Но и ей было в чем себя упрекнуть.

Если бы под конец круговой фотосъемки она не закрыла глаза, в то время как «рефлекс» отщелкивал последние кадры, она бы сама уловила движение взгляда Дианы. Безмолвную, отчаянную мольбу о помощи.

Да, ее отвлекал звон мобильного девушки, но это не оправдание. Мысль о том, что могло бы случиться, если бы она обнаружила это через несколько часов в полицейской лаборатории или вернувшись домой, мучила ее.

Тогда она стала бы сообщницей ночного убийцы. «Я ее спасла? Неужели я?» – спрашивала себя Сандра. По правде говоря, Диана спаслась сама. И будет несправедливо, если Сандра припишет эту заслугу себе. И потом, лучше смолчать, чтобы полиция сохранила лицо. Поэтому ей не хотелось возлагать всю вину на судмедэксперта.

Тем временем начальник закончил распекать подчиненных:

– Ладно, катитесь отсюда.

Все поднялись с мест, но Астольфи первым покинул зал.

– Вы останьтесь, агент Вега.

Сандра обернулась к начальнику: интересно, зачем ему понадобилось задерживать ее? Но тот сразу же обратился к Креспи:

– И вы, комиссар, задержитесь тоже.

Сандра заметила, что в дверях, откуда пулей вылетали сослуживцы, скопилась другая группа, готовая занять места в зале.

То были сотрудники ЦОС, Центральной оперативной службы. Эта особая структура занималась организованной преступностью, операциями под прикрытием, охотой за скрывающимися от правосудия, серийными преступлениями и убийствами с особой жестокостью.

Пока они рассаживались, Сандра узнала комиссара Моро.

Этот полицейский был молод, но уже завоевал славу опытного сыщика. Он изловил мафиозного босса, которого разыскивали тридцать лет. Моро так упорно преследовал его, отказавшись от личной жизни и разрушив свой брак, что преступник даже поздравил полицейского, когда тот надевал на него наручники.

Его очень уважали. Все хотели попасть в команду Моро. В элиту элиты государственной полиции. Но комиссар почти всегда работал с одними и теми же людьми, числом около пятнадцати. Людьми доверенными, с которыми он делил труды и лишения. Людьми, привыкшими выходить утром из дому, не зная, когда вновь увидятся с любимыми, если увидятся вообще. Моро предпочитал включать в бригаду неженатых, говорил, что не любит объясняться с вдовами и сиротами. Его люди и были семьей друг для друга. Даже вне работы держались вместе. В единстве заключалась их сила.

В глазах Сандры они представляли собой нечто вроде монахов дзен. Они были связаны неким обетом, который значил больше, чем мундир, который они носили.

– Он убьет снова.

Моро объявил это, стоя спиной к собравшимся. Он выключил в зале свет. Информация обрушилась на присутствующих вместе с темнотой. Воцарившаяся тишина заставила Сандру

вздрагнуть. На какое-то мгновение ей показалось, будто она растворяется во мраке. Но вот засверкал радужный луч видеопроектора, и окружающий мир вернулся на место.

На экране появилась одна из фотографий места преступления, которую сама Сандра и сняла тем утром.

Машина с распахнутыми дверцами, девушка с ножом, вонзенным в грудь.

Никто из присутствующих не ужаснулся, не отвел глаза. То были люди, готовые ко всему, но верно также и то, что по прошествии времени жалость и отвращение уступают место другому чувству. Сандра, фотограф-криминалист, называла это иллюзией расстояния. Это не равнодушие, а привычка.

– Он только-только начал, – снова заговорил Моро. – Через день, через месяц, через десять лет – но он повторит, будьте уверены. Поэтому мы должны его остановить. У нас нет выбора. – Он передвинулся к центру экрана. Изображение теперь ложилось и на него, скрадывая черты, сливая их с кошмаром. – Мы просеиваем сквозь мелкое сито жизни этих ребят, чтобы выяснить, мог ли кто-нибудь питать ненависть или обиду по отношению к ним или к их семьям: бывшие жених или невеста, получившие отставку; любовники или любовницы; родственники, имеющие мотив; впавшие в бешенство кредиторы или должники; связи с преступным миром; стычка с человеком, которого не стоило задевать... Хотя полной уверенности пока нет, лично я убежден, что мы сразу можем отбросить эти версии. – Комиссар протянул руку к экрану. – Но сейчас я не стану рассказывать вам о расследовании, вещдоках, уликах и *modus operandi*³. Оставим пока полицейскую работу, забудем о процедуре. Я хочу, чтобы вы сосредоточились на этих изображениях. Взгляните хорошенько. – Моро умолк, только с пульта дистанционного управления менял кадры. – Во всем этом имеется метод, вам не кажется? Этот человек не импровизирует: он все изучил заранее. Хоть вам это и покажется странным, но в его действиях ненависти нет. Он прилежен, педантичен. Сообразите, наконец: это его работа, и он ее делает чертовски хорошо.

То, как Моро подошел к проблеме, поразило Сандру. Комиссар отверг традиционные методы, потому что хотел добиться эмоциональной реакции.

– Я прошу вас хорошенько запомнить эти фотографии, ибо, если мы будем искать разумное объяснение, мы никогда не поймем преступника. Нет: мы должны испытать то, что испытал он. Сперва нам будет сильно не по себе, но, поверьте, это единственный способ.

Показались крупные планы мертвого парня. Рана на затылке, кровь; бледное нагое тело, выставленное напоказ: ни дать ни взять театральная постановка. У иных коллег подобные сцены вызывали усмешку. Сандра не раз наблюдала такое, это не отсутствие уважения, не цинизм. Просто способ защиты. Разум отвергает реальность так же, как отрицает нелепицу, высмеивая ее. Моро стремился всего этого избежать. Ему была нужна ярость.

Комиссар слал на экран все новые и новые фотографии.

– Пусть вас не вводит в заблуждение хаотичность расправы: это всего лишь видимость, убийца ничего не оставил на волю случая. Он все продумал, спроектировал и осуществил. Он не сумасшедший. Весьма вероятно даже, что он социально интегрирован.

Человеку непосвященному такие слова, продиктованные искренним восхищением, могли показаться вопиющими. Но Моро просто пытался избежать ошибки, в которую впадали многие полицейские: недооценки противника.

Комиссар вышел из луча проектора и обратился к присутствующим:

– Это убийство на сексуальной почве, поскольку он выбрал парочку, которая занималась любовью, хотя жертв он и не насиловал. Врачи уверяют, что девушка не подверглась насилию, а предварительные результаты вскрытия исключают это и для юноши тоже. Так что нашим злодеем, когда он убивает, движет не инстинкт или непреодолимое стремление достигнуть

³ Термин используется в юриспруденции для описания способа совершения преступления.

оргазма. Он не мастурбирует на трупы, если вы подумали об этом. Он наносит удар, исчезает и, главное, наблюдает: с сегодняшнего дня он станет наблюдать за нами, полицейскими. Он уже скрылся, затаился; он знает, что не может позволить себе совершить ошибку. Но мы расследуем дело, а он исследует нас. Победит не тот, кто реально лучше, а тот, кто наилучшим образом сумеет воспользоваться промахами противника. И у него перед нами преимущество... – Комиссар вывернул руку, показывая залу часы. – Время. Мы должны догнать ублюдка и обогнать его. Но это не значит, что нужно спешить, спешка – плохой союзник. Нет: мы должны вести себя непредсказуемо, так же как он. Только так получится его остановить. Потому что, будьте уверены, у него уже есть новый замысел. – Он прервал череду сменяющих друг друга кадров как раз на последнем.

На крупном плане Дианы Дельгаудио.

Сандра вообразила отчаяние девушки, когда она, парализованная, почти лишившаяся чувств, пыталась дать понять, что еще жива. Однако, глядя на ее застывшее лицо, Сандра вспомнила ощущение, которое испытала, когда делала эту фотографию. Косметика, аккуратно наложенная, хотя и размытая слезами. Тени, пудра, губная помада.

Да, что-то здесь было неправильно.

– Взгляните на нее хорошенько, – продолжил комиссар, оторвав Сандру от размышлений. – Вот что делает убийца только потому, что ему нравится это делать. Если Диана Дельгаудио каким-то чудом выживет, у нас будет свидетель, способный опознать преступника.

Никто никак не отреагировал на сказанное, даже не кивнул. Робкая надежда, только и всего: говорить не о чем.

Неожиданно Моро обратился к Сандре:

– Агент Вега.

– Да, синьор.

– Вы хорошо поработали сегодня утром.

Эта похвала взволновала Сандру.

– Мы хотим взять вас к себе, агент Вега.

Этого-то Сандра и боялась. Любому из коллег польстило бы предложение поступить в команду Моро. Только не ей.

– Не думаю, что я этого достойна, синьор.

Комиссар попытался из полумглы испепелить ее взглядом.

– Не время скромничать.

– Я не скромничаю. Просто я никогда не занималась преступлениями такого рода.

Сандра заметила, что комиссар Креспи укоризненно качает головой.

Моро указал на дверь:

– Скажу по-другому: вы нужны не нам, в ЦОС, вы нужны какой-то молодой паре, которая гуляет где-то там, в городе, не ведая, что вскорости ее ожидает. Ведь это повторится. Я это знаю, и это знаете вы, агент Вега. Наша дискуссия уже и так отняла слишком много времени из того, что им осталось прожить.

Все было решено. Сандре не достало сил возразить, а Моро отвел от нее взгляд и перешел к другой теме.

– Наши уже заканчивают прочесывать сосновый лес под Остией, так что скоро мы сможем проанализировать вещдоки, восстановить динамику преступления и способ действия убийцы. А пока я хочу, чтобы вы прониклись проблемой до нутра, до мозга костей, до самых потайных и неисповедимых ваших уголков. Ступайте домой, выпитесь хорошенько. Завтра начнем изучать улики. И завтра чтобы не было ни следа эмоций, – предупредил он. – Завтра вы должны быть трезвыми и здравомыслящими. Собрание закончено.

Комиссар первым оказался в дверях, потом и остальные встали с мест и потянулись из зала. Но Сандра продолжала сидеть, не сводя глаз с фотографии Дианы на экране. Люди про-

ходили мимо, а она все вглядывалась в изображение. Хотя бы кто-нибудь выключил проектор: бесполезно и жестоко выставлять напоказ бедную девочку.

Моро устроил им эмоциональную встряску, но назавтра хотел от них «трезвости и здравомыслия». Но уже и сейчас Диана Дельгаудио перестала быть двадцатилетней девушкой, о чем-то мечтавшей, к чему-то стремившейся, строившей какие-то планы. Она утратила личность. Превратилась в предмет расследования, перешла в обобщенную категорию «потерпевших», удостоилась преходящего звания «жертвы преступления». И это преобразование свершилось здесь, на глазах у всех, на этом собрании.

Привычка, напомнила себе Сандра. Антитело, помогающее полицейским переживать зло. Поэтому, коль скоро никто не обращал внимания на фото Дианы, Сандра сочла своим долгом смотреть на него – по крайней мере, пока все не уйдут. И чем дольше вглядывалась она в этот крупный план, тем ярче осознавала: что-то здесь не так.

Какая-то деталь выбивается.

В расплывшейся косметике, покрывавшей лицо девушки, было что-то странное. Сандра наконец поняла, что именно.

Губная помада.

6

– Учитесь фотографировать пустоту.

Именно так говорил в академии инструктор по панорамной съемке. Сандре тогда едва исполнилось двадцать лет; и ей, и ее товарищам эти слова показались абсурдными. Очередная расхожая фраза из полицейского лексикона, преподносимая как жизненный урок или абсолютная догма вроде «учись у врага» или «товарищей не бросают». Для нее, такой самоуверенной, такой нахальной, подобные выражения являлись частью промывания мозгов, которому подвергали новобранцев, вместо того чтобы сказать им правду. А именно: что человеческий род отвратителен и, занимаясь такой работой, все они вскоре станут тяготиться своей принадлежностью к нему.

– Безразличие – ваш лучший союзник, ведь важно не то, что находится перед объективом, а то, чего там нет, – добавил инструктор и повторил: – Учитесь фотографировать пустоту.

Потом он по одному запускал их в комнату для практических занятий. Что-то вроде съемочной площадки: гостиная в обычной квартире, с обычной мебелью. Но каждому из них объявляли: здесь произошло преступление. Их задача – понять, какое именно.

Ни крови, ни трупов, ни оружия. Обычная обстановка.

Чтобы достигнуть цели, следовало научиться не обращать внимания на диван, весь в пятнах от детского питания, что указывает на присутствие в доме маленького ребенка. И на освежитель воздуха, явно выбранный заботливой хозяйкой. На кроссворд, лежащий в кресле, наполовину решенный: кто знает, доведется ли кому-то решить его до конца. Проспекты туристических фирм, разбросанные по столику, оставленные кем-то, кто воображал, будто впереди – счастливое будущее, не зная, что с ним вот-вот случится что-то плохое.

Детали внезапно прерванного существования. Но урок был понятен: эмпатия смущает. Чтобы фотографировать пустоту, нужно сначала создать ее внутри себя.

И у Сандры получилось, к ее вящему изумлению. Отринув всякое сочувствие, она отождествила себя с потенциальной жертвой. Использовала ее точку обзора, не свою собственную. Представив себе, что жертва, скорее всего, лежала ничком, тоже растянулась на полу. И обнаружила под стулом послание.

ФАБ

Сцена воспроизводила реальный случай, когда женщина, умирая, нашла в себе силы собственной кровью написать три первые буквы имени своего убийцы.

Фабрицио. Ее муж.

Так она выдала супруга.

Потом Сандра узнала, что двадцать пять лет эта женщина числилась в списках пропавших без вести, а муж прилюдно оплакивал ее и по телевидению взывал о помощи. И что правда, спрятанная под стулом, выплыла наружу только тогда, когда он решился продать дом со всей обстановкой. Буквы обнаружил новый жилец.

Мысль о том, что возможно посмертное воздаяние, утешила Сандру. Никогда и нигде убийца не может чувствовать себя в безопасности. И все-таки, хотя тайна и была разгадана, труп женщины так и не нашли.

– Учиться фотографировать пустоту, – повторила Сандра в тишине, сидя в собственной машине. По сути, того же требовал и комиссар Моро: как следует погрузиться в эмоции, а затем, вынырнув из них, обрести необходимое хладнокровие.

Сандра, однако, не вернулась домой, чтобы обдумать, как вести себя на завтрашнем собрании, которое официально положит начало охоте на монстра. Перед ней, за ветровым стеклом, простиралась сосновая роща под Остией, освещенная прожекторами. Рокот дизельных генераторов и яркий свет галогеновых ламп приводили на память деревенские праздники, танцы на лоне природы. Но до лета далеко, и музыка не заиграет. Стоит суровая зима, и в лесу слышны лишь голоса полицейских: одетые в белые комбинезоны, они снуют по месту преступления, словно исполняя какой-то призрачный танец.

Они прочесывали местность целый день. Сандра вернулась сюда к концу дежурства и со стороны наблюдала за работой коллег. Никто не спросил, зачем она приехала, зачем дожидается, пока все уйдут. Но у нее была причина.

Догадка насчет губной помады Дианы.

Девушка работала в парфюмерном магазине. Сандра не ошиблась, когда, увидев косметику на ее лице, предположила, что Диана в этом разбирается. Но то, что Сандра проникла в такую сторону ее жизни, сократило между ними дистанцию. А это не к добру. Никогда не следует чересчур вовлекаться. Это опасно.

Сандра испытала это на своей шкуре два года назад, когда погиб ее муж и ей пришлось в одиночку расследовать дело, моментально признанное несчастным случаем и тут же закрытое. Чтобы отделить от ярости и скорби разумные соображения, потребовалось немало здравого смысла. И все же она сильно рисковала. Но тогда она была одна и могла себе это позволить.

Теперь появился Макс.

Он как нельзя лучше вписывался в жизнь, которую Сандра для себя избрала. Переезд в Рим, квартира в Трастевере, другие лица, другие коллеги. Нужно место, нужно время для того, чтобы посеять новые воспоминания. И Макс идеально подходил для того, чтобы разделить их.

Он преподавал историю в лицее и жил своими книгами. Часами читал, укрывшись в кабинете. Если бы не она, полагала Сандра, Макс забывал бы питаться и ходить в туалет. Он, как никто, был далек от работы полицейского. Единственный ужас, который мог его ожидать, – это плохие результаты экзамена у учеников.

Кто посвящает жизнь словам, того не касается скверна мира.

Макс приходил в восторг, когда Сандра просила его рассказать что-нибудь связанное с его предметом. Он вещал вдохновенно, бурно жестикулируя, со сверкающими глазами. Макс

родился в Ноттингеме, но жил в Италии уже двадцать лет. «Для преподавателя истории существует только одно место в мире, – уверял он, – и это Рим».

Сандра не хотела лишать его иллюзий, рассказывая, сколько зла творится в этом городе. Поэтому никогда не говорила с ним о своей работе. Но на этот раз она даже решилась солгать. Набрала номер и стала дожидаться ответа.

– Вега, ты уже давно должна быть дома, – заявил он шутливо.

Макс называл ее по фамилии, прямо как коллеги на работе.

– У нас крупное дело, меня попросили сделать дополнительную серию снимков, – сказала Сандра, придерживаясь избранной версии.

– Ладно, тогда поужинаем позже.

– Думаю, мне к ужину не успеть, здесь много дела.

– А-а, – только и произнес Макс, услышав новость.

Он не злился, просто недоумевал. Сандра впервые так надолго задерживалась на сверхурочной работе.

Она зажмурилась, чувствуя себя последней дрянью. Нужно было нарушить молчание, заставить его поверить в выдумку.

– Представляешь, какая тоска. На фотографов просто мор напал: все заболели гриппом, или не знаю уж чем.

– Ты достаточно тепло одета? Я смотрел прогноз, ночью будет холодно.

Оттого что Макс так за нее переживает, Сандре сделалось еще хуже.

– Да, конечно.

– Хочешь, я дождусь тебя?

– Не надо, – поспешила сказать она. – Seriously: ложись-ка спать. Может быть, я быстро управлюсь.

– Хорошо, только разбуди меня, когда вернешься.

Сандра прервала связь. Чувство вины не заставило ее передумать. Она вбила себе в голову, что утром плохо выполнила работу, потому что, как и судмедэксперт, хотела поскорее уйти с места преступления. То, что она обнаружила в конце и что так подняло ее в глазах коллег и комиссара Моро, получилось случайно. Если бы она строго следовала протоколу панорамной съемки, то заботилась бы об уликах, а не о собственном самочувствии. Вместо того чтобы с помощью камеры исследовать место преступления, прикрывалась ею, словно ширмой.

Она должна все исправить. Единственный способ – повторить процедуру, увериться, что больше она ничего не упустила.

В сосновом лесу коллеги-полицейские и эксперты-криминалисты начинали потихоньку сматывать удочки. Скоро она останется одна. И выполнит свою миссию.

Сфотографирует пустоту.

Машину, в которой сюда приехала пара, убрали; полицейскую аппаратуру тоже унесли. Забыли только снять красно-белую ленту ограждения. Она колыхалась на ветру, как и ветви сосен, но теперь огораживала пустое пространство.

Сандра посмотрела на часы: уже за полночь. Подумала, достаточно ли будет припарковаться в трехстах метрах. Не хотелось, чтобы кто-то заметил ее машину.

Из-за тонкого слоя облаков лунный свет казался матовым. Сандра не могла включить фонарь: не ровен час, кто-нибудь заметит, да и луч исказит картину. Когда она начнет фотографировать, инфракрасный видоискатель «рефлекса» поможет сориентироваться на местности, а пока пусть глаза привыкают к бледному свету луны.

Сандра выбралась из машины и направилась туда, где все произошло. Пока она шла по лесу, в голову закралась мысль, не глупо ли то, что она задумала. Она подвергает себя опасности. Никто не знает, что она здесь, а ей неизвестны намерения убийцы. Что, если он вернется

посмотреть, как тут идут дела? Или чтобы оживить в памяти ощущения, испытанные прошлой ночью, создать себе этакий «Амаркорд» ужаса? Иные убийцы так поступают.

Сандра понимала, что на самом деле загадывать худшее – часть ритуала, оберегающего от сглаза. Накручиваешь себя, воображаешь всякие ужасы только затем, чтобы обмануться. Но как раз в этот момент лунный луч пробился сквозь скопление облаков и скользнул в чащу.

И тут Сандра заметила, как среди деревьев, где-то в сотне метров от нее, мелькнул темный силуэт.

Насторожившись, она замедлила шаг, но не смогла сразу остановиться. Страх завладел телом, и она невольно, по инерции, двигалась дальше; иглы скрипели под подошвами.

Тем временем тень уже двигалась по месту, где совершилось преступление, поворачиваясь то в одну, то в другую сторону. Сандра застыла как вкопанная. Но уловила неожиданный жест.

Человек перекрестился.

На какой-то миг у Сандры отлегло от сердца: верующий. Но в следующую секунду перед мысленным взором явилось только что увиденное, как при замедленной съемке.

Человек крестился наоборот – *справа налево, снизу вверх*.

– Сюда.

Шепот раздался из темноты, в нескольких метрах от нее. Сандра вздрогнула, будто очнувшись, а на самом деле переходя из одного кошмара в другой. Она хотела было закричать, но сказавший «сюда» вышел вперед: у него был шрам на виске, и он жестом велел ей спрятаться за дерево. Сандре он был знаком, но только через несколько секунд она поняла, кто это.

Маркус, пенитенциарий, которого она встретила два года назад.

Он снова сделал ей знак пригнуться, потом подошел, взял за руку и бережно усадил. Сандра повиновалась, потом уставилась на него, не веря своим глазам. Но он глядел прямо перед собой.

Туда, где незнакомец, ползая на коленях, ощупывал землю, будто что-то искал.

– Что он делает? – спросила Сандра вполголоса, все еще с бешено колотящимся сердцем.

Пенитенциарий не ответил.

– Мы должны вмешаться, – высказала она тогда то ли вопрос, то ли утверждение – Сандра в тот момент сама не знала, что делать.

– У тебя есть оружие?

– Нет, – призналась она.

Маркус покачал головой, словно говоря: нет, рисковать не стоит.

– Ты дашь ему уйти? – Сандра не могла в это поверить.

Тем временем незнакомец встал. Постоял какое-то время на месте. Потом исчез в темноте, направляясь в сторону, противоположную той, где они затаились.

Сандра бросилась вперед.

– Подожди. – Маркус пытался удержать ее.

– Номера, – проговорила Сандра, имея в виду автомобиль, на котором, возможно, приехал сюда неизвестный.

Незнакомец ускорил шаг, хотя и не замечал погони. Сандра старалась не отставать, но проклятые иголки скрипели под ногами, выдавая ее, так что пришлось сбавить темп.

Именно благодаря этому ей бросилось в глаза что-то знакомое. Может быть, походка незнакомца или его силуэт. Ощущение было мимолетным и исчезло через миг.

Незнакомец перевалил через холм и скрылся из поля зрения. Недоумеваемая, куда он мог подеваться, Сандра услышала, как хлопнула дверца и завелся мотор.

Она пустилась бежать со всех ног. Споткнулась о ветку, но удержала равновесие. Превозмогая боль в лодыжке, одолела подъем: незнакомца нужно догнать. В памяти всплыли образы

убитых ребят. Если это и впрямь убийца, нельзя его упустить. Нет, она не допустит, чтобы злодей сбежал.

Но, выбежав из леса, Сандра увидела машину, которая удалялась с потушенными фарами. В слабом свете луны номеров было не разобрать.

– Дерьмо, – выругалась Сандра. Маркус остановился в нескольких шагах. – Кто это был? – спросила она.

– Не знаю.

Она рассчитывала получить другой ответ. Ее поразила такая невозмутимость. Казалось, пенитенциарию безразлично, что они упустили возможность посмотреть монстру в лицо, узнать его имя. А может, он просто более практичен.

– Ты здесь из-за него, правда? Ты тоже охотишься за ним?

– Да.

Маркус не хотел признаваться, что он здесь из-за нее. Что часто стоит под окнами ее дома или ждет, когда она закончит работу, чтобы тайком следовать за ней. Что ему нравится наблюдать за ней издалека. И что сегодня вечером, когда она после дежурства не вернулась в свою квартиру, он решил проследить за ней от квестуры.

Но Сандру слишком захватило происходящее, чтобы распознать ложь в его словах.

– Мы подобрались к нему так близко.

Он спокойно, пристально глядел на нее. Потом вдруг развернулся:

– Пошли.

– Куда?

– Может быть, он что-то зарыл, когда ползал там на коленях.

7

При свете смартфона Сандры они принялись искать место, где незнакомец копался в земле.

– Вот оно, – объявил Маркус.

Оба склонились над кучкой только что разрытой земли.

Пенитенциарий вынул из кармана куртки латексную перчатку и натянул ее. Потом стал просеивать землю неторопливо и тщательно. Сандра наблюдала за операцией, изнывая от нетерпения, подсвечивая мобильником разрытое место. Вскоре Маркус остановился.

– Почему ты не продолжаешь? – спросила Сандра.

– Здесь ничего нет.

– Но ты сказал, что...

– Сказал, – спокойно перебил он ее. – Сам не понимаю: ведь здесь копали, ты сама видишь.

Выпрямившись, они какое-то время стояли молча. Маркус боялся, что Сандра опять спросит, что он тут делает. Чтобы у нее не возникло подозрений, он решил схитрить:

– Что ты знаешь об этом деле?

Сандра молчала, явно не зная, как поступить.

– Ты не обязана рассказывать. Но возможно, я смогу помочь.

– Каким образом? – спросила Сандра с подозрением.

– Обмен информацией.

Сандра взвесила предложение. Она видела пенитенциария в деле два года назад, знала, что он – мастер своего дела и видит вещи по-другому, не так, как полицейские. Вряд ли бы у него получилось «сфотографировать пустоту», это задача для ее «рефлекса», но ему удавалось обнаружить невидимые следы, какие зло оставляло на самых простых вещах. Она решила дове-

риться и начала рассказывать о паре влюбленных и о невероятном эпилоге этого утра, когда выяснилось, что Диана Дельгаудио выжила, несмотря на глубокую рану и холод зимней ночи.

– Можно взглянуть на фотографии? – попросил Маркус.

Сандра снова насторожилась.

– Если хочешь понять, что произошло той ночью и что здесь делал этот тип, ты должна показать мне снимки с места преступления.

Сандра сходила к машине и скоро вернулась с парой фонарей и планшетом. Маркус протянул руку. Но прежде чем передать ему сведения, Сандра решила расставить все по местам.

– Это против правил, даже против закона. – И вручила ему планшет вместе с фонарем.

Пенитенциарий просмотрел первые фотографии. Дерево, за которым стоял убийца.

– Оттуда он следил за ребятами, – пояснила Сандра.

– Покажи мне место.

Сандра отвела его. На земле, сплошь покрытой сосновыми иглами, еще виднелась проплешина. Сандра не знала, что будет дальше. Методы Маркуса разительно отличались от тех, каким следовали полицейские профайлеры⁴.

Маркус поглядел вниз, потом наверх и наконец стал смотреть прямо перед собой.

– Хорошо, начнем.

Прежде всего пенитенциарий перекрестился, но сделал это правильно, не так, как недавно незнакомец. Сандра уловила, как меняется лицо Маркуса. Незначительные, незаметные изменения. Морщины вокруг глаз разгладились, дыхание стало ровным, глубоким. Он не просто сосредоточился: что-то зарождалось в нем.

– Сколько времени я здесь стоял? – спросил он, начав отождествлять себя с монстром. – Десять, пятнадцать минут? Я хорошо изучил их, предвкушая момент моего вступления в игру.

Знаю, что ты испытывал, говорил себе Маркус. Адреналин поднимается, ты весь напряжен, на взводе. Возбуждение, смешанное с беспокойством. Так бывало в детстве, когда ты играл в прятки. Холодок в затылке, по телу пробегает дрожь, поднимающая волоски на руках.

Сандра начинала понимать, что происходит: влезть в душу убийцы никому не дано, однако пенитенциарий обладал способностью выманить зло, таившееся в ней. Она решила подыграть и обратилась к нему как к настоящему убийце:

– Ты выследил их, приехал за ними сюда? Может быть, ты знал девушку, она тебе нравилась, ты преследовал ее.

– Нет. Я их ждал здесь. Мне они незнакомы. Я выбираю не добычу, только охотничье угодье: осматриваю его, осуществляю приготовления.

Сосновый лес под Остией часто давал приют влюбленным, особенно летом. Зимой, однако, немногие отваживались поехать сюда. День за днем монстр шатался по лесу, выжидая. И был вознагражден.

– Зачем ты расчистил место?

Маркус посмотрел вниз:

– У меня сумка, может, рюкзак: не хочу, чтобы на ткань налипли сосновые иголки. Эта вещь мне дорога, там все мои трюки, все фокусы. Я ведь маг, волшебник.

Выждав нужный момент, он не спеша приближается к жертвам, подумал Маркус. Рассчитывает застать их врасплох: первый номер мага-фокусника.

Маркус оторвался от дерева и направился к центру сцены, туда, где все произошло. Сандра шла следом, чуть отступив, изумленная тем, как на ее глазах вершится реконструкция событий.

⁴ В современной криминологии человек, занимающийся составлением психологического портрета преступника.

– Я незаметно подкрался к машине. – Маркус проглядел следующие фотографии. Голые жертвы.

– Они уже были раздеты или ты заставил их снять одежду? Уже совершили акт или только готовились?

– Я выбираю парочки потому, что не умею общаться. У меня ни с кем нет отношений, ни дружеских, ни сексуальных. Что-то во мне отталкивает людей. Я действую из зависти. Да, я завидую... Поэтому мне нравится смотреть. Потом я их убиваю, чтобы наказать за счастье.

Он произнес это так бесстрастно, что Сандра похолодела. Лишенный выражения взгляд пенитенциария внезапно испугал ее. В нем не было ярости, лишь трезвая отстраненность. Маркус не просто отождествлял себя с убийцей.

Он сам превратился в монстра.

Сандре стало нехорошо.

– Я несостоятелен в сексуальном плане, – продолжал пенитенциарий. – Мой возраст – между двадцати пятью и сорока пятью годами. Обычно в таком промежутке происходит срыв, дает о себе знать фрустрация, связанная с отсутствием сексуального удовлетворения. Я не совершаю над жертвами насилия.

Действительно, никакого насилия не было, припомнила Сандра.

Пенитенциарий взглянул на фотографию машины и встал перед капотом.

– Я появился из ниоткуда и нацелил на них пистолет, чтобы они не завели машину и не удрали. Что вообще есть при мне?

– Пистолет, охотничий нож, альпинистская веревка, – перечислила Сандра.

– Я вручил веревку парню и *убедил* его привязать подругу к сиденью.

– Заставил, ты хочешь сказать.

– Я не угрожал. Не повышал голоса: я всегда вежлив, я – обольститель. – Не потребовалось даже сделать предупреждающий выстрел, показать, что это не шутка. Достаточно было заверить парня, что у него есть шанс спастись. Что если он будет слушаться и хорошо себя вести, то в конце получит награду. Парень, разумеется, сделал все, как я велел. Я внимательно следил за ним: надо было убедиться, что он связал девушку как следует.

Пенитенциарий прав, подумала Сандра. Люди часто не подозревают, каким убедительным аргументом является огнестрельное оружие. Все почему-то полагают, что в случае чего смогут справиться с ситуацией.

Пролистывая фотографии, Маркус дошел до кадра, изображавшего девушку с ножом в груди.

– Ты ударил ее ножом, но ей повезло. – Сандра тут же пожалела о своих словах: ничего себе везение. – Кровотечение остановилось только потому, что ты оставил нож в ране. Если бы ты вытащил его, чтобы унести с собой, она бы, скорее всего, не выжила.

Маркус покачал головой:

– Это не я убил девушку. Вот почему я оставил нож. Для вас, чтобы вы узнали.

Сандра не могла поверить.

– Я предложил обмен: его жизнь за жизнь девушки.

Это выбило Сандру из колеи.

– Что ты такое говоришь?

– Вот увидишь: на рукоятке ножа вы найдете отпечатки парня, не мои. – Убийца хотел принизить, растоптать их чувства, подумал он. – Доказательство любви.

– Но если он тебя послушался, почему ты убил и его тоже? В конце концов ты вывел его из машины и выстрелил в затылок, в упор. Казнил.

– Потому что мои обещания – ложь, как и любовь, в которой клянутся друг другу эти молодые пары. А доказав, что человеческое существо способно убить из чистого эгоизма, я и с себя снимаю всякую вину.

Ветер налетел, пригнув верхушки сосен. Один-единственный сильный порыв, просвистевший по лесу и умчавшийся во тьму. Сандре показалось, будто Маркус наслал этот безжизненный вихрь.

Маркус заметил ее волнение и, где бы он ни пребывал в эти минуты, внезапно вернулся назад. Когда он прочел в глазах женщины страх, ему стало стыдно. Он не хотел, чтобы Сандра так на него смотрела. Увидел, как она сделала маленький шаг назад, словно стремясь отойти на безопасное расстояние.

Сандра, смущенная, отвела взгляд. И все же после того, что она видела, скрыть неловкость не удавалось. Чтобы как-то выйти из положения, она взяла у Маркуса из рук планшет:

– Хочу тебе кое-что показать.

Пролистнув фотографии, она добралась до крупного плана Дианы Дельгаудио.

– Девушка работала в парфюмерном магазине, – сообщила она. – Косметика, там, где ее не смыло слезами, наложена тщательно. Губная помада тоже.

Маркус взгляделся в снимок. Он еще не пришел в себя, может, поэтому не сразу понял смысл уточнения.

Сандра попыталась объяснить:

– Когда я делала этот снимок, что-то мне показалось странным. Что-то было не так, но только потом я поняла, что именно. Ты утверждал недавно, что перед нами – убийца-вуайерист: он ждет, пока влюбленные приступят к акту, и только тогда появляется. Но если Диана и ее парень ласкали друг друга, готовясь приступить к сексу, каким образом у нее сохранилась помада на губах?

До Маркуса дошло:

– Помаду наложил он, после.

Сандра кивнула:

– Думаю, он ее фотографировал. Даже уверена в этом.

Пенитенциарий с интересом воспринял информацию. Он еще не знал, как связать ее с привычками убийцы, но был убежден, что эта деталь составляет определенную часть ритуала.

– Зло – очевидная для всех аномалия, на которую при этом никто не обращает внимания, – заметил он как бы про себя.

– Ты о чем?

Маркус пристально посмотрел на нее:

– Все ответы – здесь, и здесь ты должна искать. – Все как на картине «Мученичество святого Матфея» из Сан-Луиджи деи Франчези, надо только уметь наблюдать. – Убийца все еще здесь, хотя мы его и не видим. Охотиться за ним мы должны в этом месте, и ни в каком другом.

Сандра поняла:

– Ты говоришь о человеке, которого мы недавно видели. Ты не веришь, что он и есть монстр.

– Какой смысл возвращаться сюда через несколько часов? – признал Маркус. – С убийством и унижением жертв заряд нездоровой, разрушительной энергии иссякает. Инстинкт удовлетворен. Он – обольститель, помнишь? Он уже предвкушает новые победы.

Сандра была убеждена, что это не все, что Маркус скрывает от нее истинную причину. Объяснение казалось разумным, но по смущению пенитенциария она догадалась: есть нечто иное.

– Он не монстр еще и потому, что перекрестился, так?

Перекрестился наоборот: это и в самом деле поразило Маркуса.

– Кто же он тогда, по-твоему? – допытывалась Сандра.

– Ищите аномалию, агент Вега, не задерживайтесь на деталях. Зачем он сюда приходил?

Сандра мысленно вернулась к тому, что они видели.

– Он встал на колени, выкопал ямку. Но там ничего нет...

– Вот именно, – кивнул Маркус. – Он ничего не закапывал. Он что-то выкопал.

– Продолжим обучение: вот твой второй урок, – объявил Клементе.

Он устроил Маркуса в мансарде на улице деи Серпенти. Квартирка небольшая. Никакой мебели, только лампа да раскладушка у стены. Но из маленького окошка можно было любоваться единственным в своем роде видом на крыши Рима.

Маркус потрогал пластырь, все еще покрывавший рану на виске. Это стало чем-то вроде нервного тика, он это проделывал невольно, почти бессознательно. После потери памяти Маркусу стало казаться, будто все окружающее видится ему во сне или представляется в воображении. А этот жест помогал убедиться, что он сам существует на самом деле.

– Хорошо, я готов.

– Я стану твоим единственным связным. У тебя не будет других контактов: ты не узнаешь, кто отдает тебе приказы и поручает миссии. Кроме того, ты должен свести к минимуму общение с другими людьми. В прошлом ты принес обет одиночества. Но твой затвор – не в стенах монастыря, а в мире, который тебя окружает.

Маркус задумался, можно ли в самом деле выжить в таких условиях. Но что-то подсказывало ему: да, он без людей обойдется, он привык жить один.

– Некоторые категории преступлений привлекают внимание Церкви, – продолжал Клементе. – Они отличаются от других тем, что несут в себе аномалии. На протяжении веков такие аномалии определялись по-разному: абсолютное зло, смертный грех, дьявол. Но все это не более чем несовершенные попытки дать имя чему-то необъяснимому: злобе, лежащей в глубине человеческой природы. Такие характерные преступления Церковь всегда выискивала, анализировала, классифицировала. Для этой цели предназначен особый разряд священников: пенитенциарии, охотники во мраке.

– Этим я занимался раньше?

– Твоя задача – обнаружить зло во имя Церкви и ради ее пользы. Твоя подготовка ничем не будет отличаться от подготовки криминолога или полицейского профайлера, но ты научишься отмечать детали, для них неуловимые. – И он добавил: – Люди не хотят признавать некоторые вещи, не хотят их видеть.

Но он так и не мог пока целиком осознать смысл своей миссии.

– Почему я?

– Зло – это правило, Маркус. Добро – исключение.

Хотя Клементе и не ответил на вопрос, эти слова поразили Маркуса сильнее, чем какое бы то ни было объяснение. Смысл был ясен. Он – орудие. В отличие от прочих, он сознает, что зло – константа бытия. В жизни пенитенциария нет места для таких вещей, как любовь к женщине, друзья, семья. Радость отвлекает, и он должен примириться с тем, что придется без нее обойтись.

– Как я пойму, что уже готов?

– Поймешь. Но чтобы познать зло, ты должен сначала научиться действовать ради добра. – Тут Клементе вручил ему адрес и протянул какой-то предмет.

Ключ.

Маркус отправился на место, не зная, что его ожидает.

Это оказался двухэтажный домик на окраине. Подходя, Маркус заметил, что у подъезда скопилась кучка людей. К двери был прикреплен крест из лилового бархата: недвусмысленный знак того, что в доме покойник.

Маркус вошел, смешавшись с друзьями и родственниками, и никто не обратил на него внимания. Они переговаривались вполголоса; никто не плакал, но в доме царила атмосфера подлинной скорби.

Несчастье, обрушившееся на эту семью, заключалось в смерти молодой девушки. Маркус сразу узнал родителей: все в комнате стояли, сидели только они. На их лицах читалась скорее растерянность, чем боль.

На мгновение пенитенциарий встретился взглядом с отцом. Силач лет пятидесяти, из тех, что голыми руками гнут стальные прутья. Сейчас он казался разбитым: эмблема бес- сильной мощи.

Гроб стоял открытый, собравшиеся подходили попрощаться с покойницей. Маркус встроился в процессию. Увидев девушку, сразу понял, что смерть начала свою работу, еще когда она была жива. Уловив обрывок разговора, обнаружил, что ее болезнью была она сама.

Наркотики быстро покончили с ней.

Но Маркус не понимал, какое добро может он сотворить в подобных обстоятельствах. Утрата казалась непоправимой. Тогда он вытащил из кармана ключ, который вручил ему Клементе, и стал разглядывать его, держа на ладони.

Что он открывает?

Он прилежно приступил к единственному, что можно было предпринять: вложить ключ в замочную скважину каждой двери. И, стараясь не привлекать внимания, стал бродить по дому в поисках нужной двери. Безуспешно.

Он почти уже отчаялся, когда вдруг вспомнил о задней двери. В ней единственной не было замка. Маркус открыл ее, толкнув рукой. Она вела на лестницу. И, держась в полутьме за стены, Маркус спустился в подвал.

Старая мебель, ящик с инструментами для ремонта. Но, развернувшись, он обнаружил деревянную кабинку. Сауна.

Маркус подошел к двери со смотровым окошком. Попробовал заглянуть внутрь, но стекло было слишком плотным, и было слишком темно. И он решил попробовать ключ. К его великому удивлению, замок поддался.

Маркус отворил дверь, и его накрыло зловоние. Рвота, пот, экскременты. Он невольно отпрянул. Но после все же вошел.

На полу тесной кабинки лежал человек. Одежда разорвана, волосы спутаны, борода отросла. Его избивали долго и жестоко. Глаз совершенно заплыл, спекшаяся кровь скопилась под носом и в уголках рта, тело покрывали многочисленные синяки. На руках, почерневших от грязи, виднелись татуировки: кресты, черепа. На шее – свастика.

Из состояния, в каком он находился, Маркус заключил, что этот человек давно здесь заперт.

Повернувшись к вошедшему, он прикрыл рукой единственный целый глаз: даже такой слабый свет причинял ему боль. Во взгляде читался подлинный неприкрытый страх.

Через несколько секунд он понял, что Маркус – новый персонаж длящегося кошмара. Может, поэтому осмелился заговорить:

– Я не виноват... Эти юнцы приходят ко мне на все готовыми ради дозы... Она просила пустить ее в оборот, ей нужны были деньги... Я сделал, как она хотела, я тут ни при чем...

Пыл, с которым он начал свои излияния, мало-помалу угас, и вместе с ним надежда. Парень снова скорчился на полу, смирившись с неизбежным. Так пес бешено лает, пытаясь сорваться с цепи, но потом уходит в конуру, прекрасно зная, что его никогда не отпустят.

– Девушка умерла.

При этих словах парень потупил взгляд.

Маркус смотрел, задаваясь вопросом, зачем Клементе подверг его такому испытанию. Но вопрос следовало задать не так.

Что ему делать, как правильно поступить?

Перед ним – злодей. Символы на его татуировках ясно указывали, на чьей он стороне. Он заслуживал наказания, но не такого. Если Маркус его освободит, он наверняка продолжит свое дело и заставит страдать других людей. И часть вины падет на пенитенциария. Но, решившись оставить негодяя здесь, он станет соучастником жестокого деяния.

Где добро, где зло в таких обстоятельствах? Что он должен сделать? Освободить узника или запереть дверь и уйти?

Зло – правило, добро – исключение. Но в тот момент Маркус не мог отличить одно от другого.

8

Они использовали для связи голосовую почту.

Каждый раз, когда кому-то из двоих нужно было что-то сказать другому, он звонил по определенному номеру и оставлял сообщение. Номер периодически менялся, но не через какой-то установленный срок. То они пользовались номером несколько месяцев, то Клементе менял его через несколько дней. Маркус понимал, что это делается ради безопасности, но никогда не спрашивал, чем каждый раз бывало вызвано решение о смене. Но даже такая банальная проблема указывала на то, что существует целый мир, который друг от него утаивает. И пенитенциарий, которого не допускали в святая святых, уже начинал испытывать досаду. Пусть даже Клементе это делал из лучших побуждений, чтобы сохранить тайну, Маркус все равно чувствовал, что его используют вслепую. По этой причине в последнее время отношения между ними сделались напряженными.

После ночи, проведенной в сосновом лесу под Остией вместе с Сандрой, Маркус позвонил на голосовой ящик, чтобы попросить о встрече. Но, к его великому удивлению, друг его опередил.

Встреча была назначена на восемь часов в базилике Святого Аполлинария.

Пенитенциарий пересек площадь Навона, где в этот час художники, выставявшие изображения самых красивых уголков Рима, собирались поужинать. Из баров выносили столики; зимой их ставили вокруг больших газовых горелок.

Базилика Святого Аполлинария располагалась неподалеку, на площади того же названия. Церковь не поражала взгляд, даже не была особо красивой, но ее простая архитектура хорошо сочеталась с гармоничными зданиями, ее окружавшими. Она составляла часть комплекса, где в свое время располагался Папский германско-венгерский коллегийум. Уже несколько лет там находился Папский университет Святого Креста.

Но с небольшой базиликой были связаны две истории, одна старинная, другая – ближе к нашим временам. В обеих шла речь о некоем скрытом присутствии.

Первая касалась образа Мадонны, восходящего к XV веку. Когда в 1494 году солдаты Карла V, короля Франции, разбили лагерь перед церковью, прихожане замазали святой лик, чтобы уберечь Пречистую Деву от нечестивцев. Но потом о существовании картины забыли на полтора столетия, и только при землетрясении 1647 года отвалился слой штукатурки, скрывавший ее.

Вторая история, гораздо ближе к нашим временам, касается странного погребения в церкви Энрико Де Педиса⁵ по прозвищу Ренатино, члена кровавой банды из Мальяно, которая терроризировала Рим в середине семидесятых годов и была замешана в самых темных делах, какие творились в городе и в которых нередко принимал участие Ватикан. Банда вроде бы

⁵ Энрико Де Педис (1954–1990) – итальянский криминальный авторитет, один из главарей банды, образованной в Мальяно, пригороде Рима.

распалась: кого-то осудили, с кем-то расправились; но некоторые считают, что она до сих пор продолжает действовать в тени.

Маркусу всегда было непонятно, почему самый безжалостный из бандитов удостоился чести, которую в прошлом оказывали только людям святой жизни, или великим благотворителям Церкви, или уж папам, кардиналам и епископам. Пенитенциарий помнил, какой скандал разразился, когда кто-то поведал миру о столь двусмысленном захоронении, так что церковным властям пришлось перенести останки. Но перенесли их только после долгих, настойчивых протестов, которые натолкнулись на твердое и необъяснимое противодействие Церкви.

Иные сведущие люди поддерживали версию, будто вместе с преступником здесь захоронили юную девушку, которая много лет назад пропала без вести в нескольких шагах от церкви Святого Аполлинария. Эмануэлу Орланди, дочь сотрудника Ватикана, предположительно похитили, чтобы шантажировать папу. Но эксгумация останков Де Педиса показала, что это очередной ложный след в истории и без того достаточно темной.

Припомнив все факты, Маркус задался вопросом, почему Клементе выбрал именно это место для их встречи. Ему не понравилась их последняя стычка и то, как друг наотрез отказался свести его с вышестоящими, хотя это помогло бы расследовать убийство монахини, которую год назад разрубили на куски в садах Ватикана.

«Нам не подобает спрашивать, нам не подобает знать. Нам подобает лишь повиноваться».

Маркус надеялся, что Клементе позвал его, чтобы попросить прощения; сказать, что передумал. Поэтому, вступив на маленькую площадь Святого Аполлинария, пенитенциарий ускорил шаг.

Когда он вошел, церковь была пуста. Гулко звучали его шаги по мраморному полу центрального нефа, где на стенах были выбиты имена кардиналов и епископов.

Клементе уже сидел на одной из передних скамей. На коленях он держал черную кожаную сумку. Взглянув на Маркуса, невозмутимо указал на место рядом с собой.

– Полагаю, ты все еще злишься на меня.

– Ты позвал меня потому, что вышестоящие лица согласились сотрудничать?

– Нет, – чистосердечно признался Клементе.

Маркус был разочарован, но не хотел это показывать.

– Тогда что стряслось?

– Вчера ночью случилось нечто ужасное в сосновом лесу под Остией. Юноша убит, девушка, возможно, не выживет.

– Я читал об этом в газете, – соврал Маркус. На самом деле он уже все знал благодаря Сандре. Но разумеется, не мог признаться, что тайком следовал за женщиной, потому что, наверное, питал к ней какие-то чувства. Чувства, природы которых сам не знал.

Клементе взглянул на него пристально, будто заподозрил подвох.

– Ты должен этим заняться.

Задание обескуражило Маркуса. В конечном итоге полиция бросила на это дело свои лучшие силы и лучших людей: ЦОС располагала всеми средствами, чтобы остановить монстра.

– Почему?

Клементе никогда не вдавался в объяснения, почему им поручали то или иное расследование. Часто ссылался на стечение обстоятельств или на то, что раскрыть данное преступление – в интересах Церкви. Поэтому Маркус никогда не знал, что на самом деле кроется за тем или иным поручением. Но на этот раз друг предоставил ему объяснение.

– Над Римом нависла серьезная угроза. То, что случилось ночью, глубоко возмущает и ум, и совесть. – В голосе Клементе неожиданно зазвучала тревога. – Не преступление само по себе, но то, что оно представляет: злодеяние насыщено символикой.

Маркус мысленно воспроизвел мизансцену убийства: юношу заставили прикончить подругу ради спасения собственной жизни, потом хладнокровно казнили, выстрелив в затылок. Убийца знал, что после него эту сцену увидит полиция и станет задавать вопросы, которые останутся без ответа. Спектакль предназначался только для них.

И потом – секс. Хотя монстр и не насиловал жертв, сексуальная подоплека его действий была очевидна. Преступления такого рода вызывали особую озабоченность, поскольку пробуждали у публики болезненный интерес. Пусть многие это и отрицают, каждый чувствует их опасную притягательность, маскируя вовлеченность под презрение. Но есть и еще кое-что.

Вести о сексе всегда опасны.

Всякий раз, к примеру, когда сообщаются статистические данные об изнасилованиях, те в последующие дни возрастают в геометрической прогрессии. Вместо того чтобы вызвать возмущение, их число – особенно значительное – порождает подражателей. Будто бы насильники *in fieri*⁶, которым до сих пор удавалось сдерживать свои импульсы, внезапно чувствовали, что и им позволено перейти к действию, при поддержке безымянного большинства.

Преступление не кажется таким тяжким, если делишь вину с другими, напомнил себе Маркус. Поэтому полиция в половине стран мира уже не распространяет сведения о преступлениях на сексуальной почве. Но пенитенциарий был уверен: тут кроется что-то еще.

– Откуда такой внезапный интерес к тому, что случилось в лесу под Остией?

– Видишь ту исповедальню? – Клементе указал на второй придел по левой стороне. – Ни один священник никогда туда не заходит. И все-таки время от времени кто-то исповедуется там.

Маркусу было любопытно узнать, в чем дело.

– В прошлом преступники оставляли там послания для сил правопорядка. В исповедальне установлен магнитофон. Он включается, когда вошедший преклоняет колени. Мы изобрели такой способ, чтобы всякий, кому это нужно, мог поговорить с полицией, ничем не рискуя. Иногда в сообщениях содержалась ценная информация, а полицейские, в свою очередь, закрывали глаза на некоторые делишки. Хотя это и удивит тебя, через нас общались между собой враждующие стороны. Люди не должны об этом узнать, но наше посредничество спасло многие жизни.

С означенной договоренностью и связано то, что до недавнего времени здесь покоились останки такого преступника, как Де Педис. Теперь и Маркусу стало ясно, почему это погребение состоялось здесь: базилика Святого Аполлинария – вольный порт, безопасное укрытие.

– Ты сказал – в прошлом; то есть так больше не делается.

– Сейчас существуют более эффективные способы и средства связи, – сказал Клементе. – Посредничество Церкви больше не нужно или даже вызывает подозрения.

Маркус начинал понимать.

– Но магнитофон все-таки остался на месте...

– Мы решили поддерживать в рабочем состоянии это ценное средство связи, полагая, что в один прекрасный день оно снова может оказаться полезным. И не ошиблись. – Клементе открыл черную кожаную сумку, которую принес с собой, и вынул старый кассетный магнитофон. Вложил кассету в нужный отсек. – Пять дней назад – то есть до того, как на молодую пару напали в сосновом лесу под Остией, – кто-то преклонил колена в той исповедальне и произнес следующие слова...

Клементе нажал на пуск. Шорохи, разносимые эхом, заполнили главный неф. Качество записи было никудышным. Но вскоре из серой невидимой реки всплыл голос:

– ...был... Случилось ночью... И все поняли, куда он всадил свой нож...

⁶ В будущем (лат.).

Похоже на отдаленный шепот. Голос ни мужской, ни женский. Он звучал будто из другого мира, другого измерения. Голос мертвеца, который пытается подражать живым, забыв, возможно, что значит быть мертвым. Иногда он пропадал в помехах, увлекая с собою части фраз.

– *...пришло его время... дети умерли... лживые носители лживой любви... и он был безжалостен к ним... соляной мальчик... если его не остановят, он не остановится.*

Больше голос ничего не сказал. Клементе выключил запись.

Маркусу сразу стало ясно, что запись неслучайна.

– Он говорит в третьем лице, но о себе.

Да, на пленке запечатлелся голос монстра. Его слова недвусмысленны, как и обида, вдохновившая их.

«...И все поняли, куда он всадил свой нож...»

Клементе молча глядел на него, а пенитенциарий начал анализировать сообщение.

– «Был», – повторил Маркус. – Фраза неполная: был – кто? И почему он говорит в прошедшем времени о том, что только должно произойти?

Помимо заявлений и угроз, обычного репертуара убийц-экстибиционистов, были в послании места, которые привлекли его внимание.

– «Дети умерли», – повторил он вполголоса.

Выбор слова, «дети», вполне продуман. Это означает, что целью убийцы были и родители той пары из Остии. Он пролил кровь от крови их и неизбежно умертвил их самих тоже. Ненависть его распространялась вширь, наподобие подземных толчков. В эпицентре находилась молодая пара, но оттуда шла сейсмическая волна злобы, которая задела всех, кто был в их окружении, – родных, друзей, знакомых – и достигла наконец матерей и отцов, ничем не связанных с убитыми, но в эти часы с тревогой и болью переживавших все, что случилось в сосновом лесу, думая, что и их дети могли бы там оказаться.

– «Лживые носители лживой любви», – продолжил пенитенциарий и подумал об испытании, которому монстр подверг Джорджо Монтефьори, внушив иллюзию, будто он может выбирать между собственной смертью и смертью Дианы. Джорджо предпочел собственную жизнь и согласился вонзить нож в девушку, которая доверяла ему, верила в его любовь. – Мы должны передать кассету следственной группе, – убежденно проговорил Маркус. – Очевидно, что убийца хочет, чтобы его остановили, иначе он не объявил бы заранее о том, что собирается сделать. И если в прошлом исповедальня служила для связи с полицией, значит полиции и предназначалось послание.

– Нет, – оборвал его Клементе. – Ты должен действовать в одиночку.

– Почему?

– Так решено.

Опять таинственный высший уровень устанавливает правила, на основании ratio⁷ неизреченного и, по-видимому, непостижимого.

– Что это за «соляной мальчик»?

– Единственная зацепка, которая у тебя есть.

9

Вернувшись той ночью домой, она разбудила Макса поцелуем, и они любили друг друга.

⁷ Причина (лат.).

Странное дело. Это должно было от чего-то ее освободить, прогнать неприятное ощущение, угнездившееся внутри. Утомление от секса смыло грязь с души, но образ пенитенциария не исчез.

Потому что, занимаясь любовью с Максом, Сандра думала о нем.

Маркус воплотил в себе всю боль, которую она оставила за плечами. При встрече с ним всплыли на поверхность прошлые невзгоды, так болотная трясина со временем исторгает из себя все, что когда-то поглотила. И в самом деле, в жизнь Сандры вторглась старая мебель, полная воспоминаний, дома, в которых она жила, платья, которые перестала носить. Странная ностальгия. И, к ее великому удивлению, вовсе не по умершему мужу.

Маркус был тому причиной.

Проснувшись около семи, Сандра лежала в постели, погруженная в эти мысли. Макс уже встал, и она, прежде чем подняться самой, выжидала, когда он уйдет в школу. Ей не хотелось нарываться на вопросы: вдруг он что-то заподозрит и потребует объяснений.

Сандра прошла в душ, но сначала включила радио, послушать новости.

Горячая вода стекала по затылку, и Сандра, блаженно зажмурившись, млела от ласковых прикосновений. Диктор вещал о внешней политике.

Сандра не слушала. Пыталась осмыслить то, что случилось ночью. Увидев пенитенциария в действии, она испытала шок. Наблюдая за тем, как он движется по лабиринту сознания убийцы, чуть не поверила, что перед ней – настоящий монстр.

Это и восхищало, и ужасало ее.

«Ищите аномалию, агент Вега, не задерживайтесь на деталях». Вот что он сказал. «Зло – аномалия, очевидная для всех, которую при этом никто не замечает».

А что она заметила ночью? Человека, который бродил по сосновому лесу: смутную тень в лунном свете. Потом он нагнулся, выкопал ямку.

«Он ничего не закапывал. Он что-то выкопал», – уверенно заявил Маркус.

Выкопал – что?

Незнакомец перекрестился. Но – *наоборот: справа налево, снизу вверх*.

Что это значит?

Тут диктор перешел к хронике преступлений. Сандра выключила воду, чтобы послушать: так и стояла в душевой кабинке, вся мокрая, опершись о стену, покрытую кафелем.

Главной новостью было нападение на молодую пару. Тон обеспокоенный: влюбленным рекомендовалось не уединяться в пустынных местах. Полиция не пожалеет людей и средств ради обеспечения безопасности граждан. Чтобы отпугнуть убийцу, было объявлено о ночном патрулировании окраинных районов, пригородов и промышленной зоны. Но Сандра знала, что все это – чистой воды показуха: местность слишком обширна, никаких патрулей не хватит.

Рассказав, как силы правопорядка реагируют на чрезвычайную ситуацию, диктор перешел к сообщению о состоянии здоровья выжившей жертвы.

Диана Дельгаудио перенесла сложную операцию. Сейчас она погружена в искусственную кому, но врачи не дают никаких прогнозов. Практически они не в состоянии сказать, когда она очнется, а главное, очнется ли вообще.

Сандра стояла, потупив взгляд; слова, исходившие из радиоприемника, струились вместе с водой, что бурлила над сливом. Мысль о девушке причиняла боль. Если Диана не выйдет из комы, что за жизнь ее ожидает? Словно в насмешку: ведь она даже не сможет дать показания и помочь тем самым изловить того, кто ее искалечил. И Сандра заключила, что монстр добился-таки своей цели, ведь можно убить человека, даже оставив его в живых.

Диана не умерла, но все же убийце повезло.

Сандра сопоставляла события двух минувших ночей, и слишком многое не состыковывалось. Нападение на молодую пару, блуждание незнакомца при лунном свете. А если монстр нарочно оставил что-то на месте преступления? Но если он что-то зарыл, зачем кто-то другой

пришел и вырыл это? Непонятно, зачем все это нужно, однако первый из двух вопросов имеет смысл.

Что бы там ни было, это зарыл не убийца. Кто-то другой это сделал позже. Спрятал какой-то предмет, чтобы потом спокойно забрать его. Кто-то, кто хотел, чтобы никто не узнал о находке.

Кто?

Когда Сандра гналась за ним по сосновому лесу, ей на мгновение почудилось в нем что-то знакомое. Она не могла определить, что именно, но то не был простой обман зрения.

Сандра только сейчас почувствовала, что вся застыла, точно как ночью, когда Маркус изображал убийцу. Но дело было не в том, что она добрых пять минут стояла мокрая в душевой кабинке, выключив воду. Нет, холод исходил изнутри. Его породила догадка. Опасная догадка, которая могла повлечь за собой серьезные последствия.

– Зло – аномалия, очевидная для всех, которую при этом никто не замечает, – повторила она вполголоса.

Аномалия – то, что девушка до сих пор жива.

Брифинг ЦОС был назначен на одиннадцать. Времени хватало. В данный момент она не собиралась никого посвящать в свои планы еще и потому, что не знала, чем подкрепить возникшую догадку.

Отделение судебной медицины располагалось в четырехэтажном здании постройки пятидесятых годов. Безликий фасад, единственная характерная деталь – высокие окна. В здание вела лестница с широким пандусом, чтобы автомобили могли подъезжать прямо к парадной двери. Для фургонов, перевозивших трупы, предназначался более скромный задний вход. Оттуда можно было быстро попасть в цокольный этаж, с холодильными камерами и залами для вскрытий.

Сандра выбрала главный вход и направилась к старому лифту. Она бывала здесь всего пару раз, но знала, что медики занимают последний этаж.

Коридоры пропахли дезинфицирующим средством и формалином. В отличие от расхожих представлений, люди сновали туда-сюда, всюду ощущалась нормальная рабочая атмосфера. Хотя предметом их занятий была смерть, сотрудников, кажется, это не слишком угнетало. За годы службы в полиции Сандра повидала многих судмедэкспертов. Все они обладали ярко выраженным чувством юмора и выработали в себе некий позитивный цинизм. Все, кроме одного.

Кабинет доктора Астольфи был последним по коридору справа.

Сандра издали заметила, что дверь открыта. Остановившись на пороге, она увидела врача: тот сидел за столом, в белом халате и что-то писал. Перед ним лежала неизменная пачка сигарет и сверху зажигалка.

Сандра постучала по косяку, подождала. Прошло несколько секунд, прежде чем Астольфи оторвал взгляд от бумаг. Заметив ее, он, казалось, пришел в недоумение: с какой стати у него на пороге стоит агент в полицейской форме.

– Проходите.

– Добрый день, доктор. Я – агент Вега, помните меня?

– Да, я вас помню. – Он был, как всегда, уклончив. – В чем дело?

Сандра прошла в кабинет. С первого взгляда догадалась, что этот человек занимает его лет тридцать как минимум. Корешки книг, стоящих на полках, пожелтели, а кожаный диван знавал лучшие времена. Стены, на которых висели выцветшие аттестаты и дипломы, явно не мешало побелить. Надо всем царил застарелый запах табака.

– У вас не найдется для меня минутка? Мне нужно с вами поговорить.

Так и не положив ручку, Астольфи жестом пригласил ее сесть.

– Только недолго, мне некогда.

Сандра уселась перед столом.

– Вот что я хотела сказать: сожалею, что вчера вся вина за произошедшее пала на вас.

Врач искоса взглянул на нее:

– Что это значит? Вы-то тут при чем?

– Ну, я могла бы раньше заметить, что Диана Дельгаудио жива. Если бы я не избегала смотреть ей в глаза...

– Этого не заметили вы, но этого не заметили и ваши коллеги-криминалисты, которые явились сразу после вас. Вина моя, и только моя.

– По правде говоря, я пришла сказать, что у вас есть шанс реабилитироваться.

На лице Астольфи появилась гримаса недоверия.

– Меня отстранили, я больше не занимаюсь этим делом.

– Я думаю, что произошло нечто серьезное! – выпалила Сандра.

– Тогда почему бы вам не поговорить с вашим начальством?

– Потому что я пока не уверена.

Астольфи казался раздосадованным.

– Значит, я должен подкрепить вашу догадку?

– Возможно.

– Ну и о чем речь?

Сандра была довольна и тем, что он до сих пор еще не выставил ее за дверь.

– Просматривая фотографии, снятые в лесу, я обнаружила, что в панорамную съемку не попала одна деталь, – соврала она.

– Такое бывает, – утешил ее врач – исключительно затем, чтобы она скорее перешла к делу.

– Только потом я заметила, что рядом с машиной, где сидела пара, земля в одном месте раскопана.

Астольфи на этот раз ничего не сказал, но положил ручку на стол.

– Я предполагаю, что убийца мог что-то зарыть.

– Немного смелое предположение, вам не кажется?

Хорошо-хорошо, сказала себе Сандра: врач не спрашивает, с какой стати она выкладывает все это именно ему.

– Да, но позже я отправилась туда и проверила.

– И что?

Сандра пристально взглянула на него:

– Там ничего не было.

Астольфи не сразу отвел взгляд и не спросил, когда она ходила проверять.

– Агент Вега, у меня нет времени на разговоры.

– А если это был кто-то из наших? – выпалила Сандра единым духом, зная, что дошла до точки невозврата. Это тяжкое обвинение, если она ошибается, последствия могут быть серьезными. – Один из наших утаивает улику с места преступления. Уносить ее рискованно, и он ее зарывает в землю, чтобы потом прийти и забрать.

Астольфи, казалось, пришел в ужас:

– Вы говорите о сообщничестве, агент Вега. Я правильно понял вас?

– Да, доктор. – Сандра старалась, чтобы ее слова звучали как можно более убедительно.

– Агент-криминалист? Полицейский? Может быть, даже я. – Астольфи был вне себя. –

Вы отдаете себе отчет, что ваша гипотеза чревата серьезнейшими обвинениями?

– Простите, но вы не уловили смысла происходящего: я тоже присутствовала на месте преступления и тоже могу быть замешана, так же как и остальные. Более того: упущение в моем отчете ставит меня во главе списка подозреваемых.

– Советую вам оставить все как есть ради вашего блага. У вас нет доказательств.

– А у вас – безупречный послужной список, – возразила Сандра. – Я проверила. Сколько лет вы занимаетесь этой работой? – Она не дала Астольфи ответить. – И вы в самом деле не поняли, что девушка еще жива? Как можно совершить такую ошибку?

– Вы с ума сошли, агент Вега.

– Если сцена преступления была в самом деле искажена, тогда и тот факт, что никто не заметил признаков жизни у Дианы Дельгаудио, предстает в ином свете. Не как простая небрежность, но как преднамеренное действие в интересах убийцы.

Астольфи вскочил, тыча в нее пальцем:

– Это все сплошные предположения! Если бы у вас были доказательства, вы не говорили бы тут со мной, а направились бы прямо к комиссару Моро.

Сандра не произнесла ни слова. Вместо этого медленно перекрестилась, но в обратном порядке – *справа налево, снизу вверх*.

По выражению лица Астольфи Сандра догадалась, что это он был в лесу прошлой ночью. И врач понял, что женщина видела его.

Сандра нарочно коснулась пояса, к которому была прицеплена кобура.

– Это вы убили молодую пару. Потом вернулись в лес в белом халате судмедэксперта, обнаружили, что Диана еще жива, и оставили ее умирать. Тем временем очистили место преступления от улик, которые могли вас выдать. Спрятали их и пришли забрать, когда в лесу уже никого не было.

– Нет, – возразил медик спокойно, но решительно. – Меня вызвали на работу, есть служебное распоряжение: я никак не мог сам это подстроить.

– Повезло, – хмыкнула Сандра: она в совпадения не верила. – Или это правда: не вы напали на них, но вы знаете, кто это сделал, и покрываете его.

Астольфи рухнул на стул:

– Ваше слово против моего. Но если вы запустите эту историю, мне конец.

Сандра молчала.

– Мне нужно покурить. – Не дожидаясь ее согласия, Астольфи вынул сигарету из пачки, зажег ее.

Они молча разглядывали друг друга, как два случайных попутчика в зале ожидания на вокзале. Врач был прав: у Сандры не было доказательств, чтобы подкрепить обвинение. Не в ее власти было арестовать его или доставить в ближайший комиссариат. Но несмотря ни на что, Астольфи не выпроводил ее.

Очевидно, что Астольфи искал способ как-то выпутаться из сложившейся ситуации, и не только потому, что рисковал карьерой. Сандра была уверена, что, если произвести у доктора обыск, обязательно всплывет что-нибудь компрометирующее. Может быть, даже улика, которую он изъял с места преступления, хотя, скорее всего, медик от нее уже избавился. Или нет?

Астольфи погасил сигарету в пепельнице и встал, не сводя глаз с агента. Направился к закрытой двери, которая, вероятно, вела в персональный туалет. Во взгляде доктора читался вызов.

Сандра не обладала достаточной властью, чтобы ему помешать.

Он закрыл за собой дверь, повернул ключ в замке. Вот дерьмо, подумала Сандра и вскочила – подслушать, чем он там занимается.

Долгое время не было слышно ни звука, потом Астольфи спустил воду в унитазе.

Вот дура, я должна была это предвидеть, злилась на себя Сандра. Но, ожидая, пока доктор выйдет из туалета, она как будто слышала крики. Уж не почудилось ли.

Кричали не в здании, а снаружи.

Сандра подошла к окну. Увидела, как люди бегут к дому. Дернула раму, высунулась наружу.

Четырьмя этажами ниже лежало тело судмедэксперта.

Сандра опешила на мгновение, потом снова повернулась к двери в туалет.

Нужно что-то делать.

Она попыталась высадить дверь плечом. Раз, второй. Замок наконец поддался. Сандра влетела внутрь. Из распахнутого окна, откуда выбросился судмедэксперт, задул сквозняк. Не обращая на это внимания, Сандра встала на четвереньки, склонилась над унитазом. Без колебаний сунула руку в прозрачную воду, надеясь, что вещь, которую Астольфи спустил, еще не успела уйти в трубу. Погрузила руку так глубоко, как могла, и что-то нащупала пальцами, потом схватила, потом снова выпустила. Наконец ей удалось подцепить эту штуку. Она попыталась подтянуть ее наверх и вытащить, но предмет ускользнул.

– Вот хрень! – выругалась Сандра.

Но тут же осознала, что пальцы запомнили форму: что-то круглое, с утолщениями по бокам, шершавое. Сначала она представила себе человеческий зародыш. Но тут же сообразила.

Что-то похожее на куклу.

10

Заведение называлось «СКС».

Вывески не было, только рядом с дверью – черная табличка с тремя золотыми буквами. Чтобы войти, следовало позвонить в домофон. Маркус нажал на кнопку и подождал. Он пришел сюда не по наитию, а просто констатируя факт: раз монстр выбрал исповедальню базилики Святого Аполлинария, чтобы сообщить о себе, значит он достаточно хорошо знаком с криминальным миром. Если это и вправду так, пенитенциарий пришел туда, куда надо.

Через пару минут ответил женский голос. За лаконичным «Да?» яростно грохотал на предельной громкости тяжелый рок.

– Космо Бардити, – произнес Маркус.

Женщина помедлила.

– Ты договаривался?

– Нет.

Голос исчез, словно поглощенный громоуханием. Через несколько секунд сработал электронный замок.

Маркус толкнул дверь и очутился в коридоре с бетонными стенами. Освещала его только неоновая лампа, которая часто мигала: казалось, вот-вот перегорит.

В глубине коридора виднелась красная дверь.

Пенитенциарий направился туда. Слышался приглушенный гул басов. По мере того как Маркус продвигался, музыка становилась все громче. Дверь открылась прежде, чем он успел дойти, выпустив на волю злобные звуки, которые набросились на него, как демоны, вырвавшиеся из преисподней.

Появилась женщина, которая, по-видимому, и говорила с ним по домофону. На ней были туфли на головокружительно высоких шпильках, очень короткая кожаная юбка и серебристый топ с глубоким вырезом. Над левой грудью – татуировка в виде бабочки. Платиновая блондинка, чересчур накрашенная. Она ожидала Маркуса, опершись о косяк и жуя резинку. Смерив его взглядом с головы до ног, не сказала ни слова, только развернулась и пошла, явно предполагая, что гость за ней последует.

Маркус вошел в заведение. «СКС» означало «секс», с пропущенной буквой. В самом деле: можно было безошибочно угадать, что это за место. Все определенно указывало на садомазо.

Обширный зал с низким потолком. Черные стены. В центре – круглая эстрада с тремя шестью для стриптиза. Вокруг – диванчики, обитые красной кожей, и столики того же цвета.

Свет приглушенный, на экранах мелькают кадры порнографических фильмов: причинение боли, телесные наказания.

На эстраде девушка с обнаженной грудью лениво исполняла какой-то номер с бензопилой под тяжелый рок. В песне назойливо повторялись слова: «Heaven is for those who kill gently»⁸.

Следуя за платиновой блондинкой, Маркус насчитал каких-нибудь шесть клиентов, рассеянных по залу. Только мужчины. Ни черепов, ни гвоздиков в ушах, да и вид не такой зверский, как можно было ожидать. Просто безликие типы разных возрастов, в офисных костюмах, с несколько скучающей миной. Седьмой клиент мастурбировал в темном углу.

– Эй, ну-ка спрячь свою штучку! – набросилась на него провожатая Маркуса.

Мужчина ее проигнорировал. Блондинка возмущенно покачала головой, но этим и ограничилась. Они пересекли весь зал и оказались в узком коридоре, куда выходили двери отдельных кабинетов. Там же располагался мужской туалет, а за ним – дверь с надписью «Посторонним вход воспрещен».

Женщина остановилась и посмотрела на Маркуса:

– Никто здесь не называет его настоящим именем. Поэтому Космо решил повидаться с тобой.

Она постучала и сделала Маркусу знак войти. Тот проследил, как она удалилась, потом переступил порог.

Постеры жестких фильмов семидесятых годов на стенах, барная стойка, на полочках – стереосистема, колонки, разные безделки. В комнате горела только настольная лампа, светящийся шар над черным письменным столом, очень аккуратным.

За столом сидел Космо Бардити.

Маркус закрыл за собой дверь, заглушив музыку, но какое-то время стоял на границе тени, разглядывая его.

На нос Бардити сползли очки для чтения, что не вязалось с наголо обритой головой и джинсовой рубашкой с закатанными рукавами. Пенитенциарий тут же узнал татуировки на руках: кресты и черепа. И свастику на шее.

– Так что ты за хрен такой? – спросил мужчина.

Маркус шагнул вперед, чтобы тот мог увидеть его лицо.

Космо долго пребывал в замешательстве, пытаясь вспомнить.

– Это ты, – выдохнул он наконец.

Парень, заточенный в кабинке сауны, узнал своего спасителя.

Пенитенциарий еще помнил испытание, которому его подверг Клементе, вручив ключ и направив в дом родителей, потерявших дочь и раздавленных болью.

Зло – правило, добро – исключение.

– Я думал, что после того, как я тебя выпустил, ты изменишь образ жизни.

Мужчина ухмыльнулся:

– Не знаю, известно ли тебе, что человека с моим прошлым никто не возьмет на постоянную работу.

Маркус обвел рукой комнату:

– Но почему именно это?

– Работа как работа, разве нет? Мои девочки все чистые, никаких наркотиков, никакого секса с клиентами: здесь только смотрят. – Он добавил серьезным тоном: – Я живу с женщиной, которая меня любит. У нас двухлетняя дочь. – Он явно хотел показать, что его не напрасно освободили.

– Рад за тебя, Космо. Рад за тебя, – отчетливо проговорил Маркус.

⁸ Небеса для тех, кто убивает нежно (англ.).

- Ты пришел предъявить счет?
- Нет, попросить об одолжении.
- Я даже не знаю, кто ты и что ты там делал в тот день.
- Это не важно.

Космо Бардити почесал в затылке:

- Что от меня требуется?

Маркус сделал еще шаг к письменному столу:

- Я ищу одного человека.
- Я его знаю или должен знать?
- Понятия не имею; однако не думаю, что знаешь. Но ты мог бы помочь мне найти его.
- Почему именно я?

Сколько раз Маркус задавал этот вопрос себе или Клементе? Ответ был всегда одним и тем же: судьба, или, для верующих, Провидение.

– Потому что у человека, которого я ищу, особые пристрастия в плане секса, и я думаю, что в прошлом он давал волю своим фантазиям в таких местах, как это.

Маркус знал, что насилию предшествует некий инкубационный период. Убийца еще не знает, что хочет убивать. Он подпитывается экстремальным сексом зверя, которого носит внутри, и тем самым постепенно опускается в самые дальние тайники своей природы.

Бардити вроде бы заинтересовался:

- Расскажи о нем подробнее.

– Он любит ножи и пистолеты; возможно, у него проблемы с сексом: только оружие может доставить ему удовлетворение. Он любит смотреть, как другие занимаются сексом: подкарауливает парочки, но, может быть, посещает также групповуху. Он любит фотографировать: думаю, он хранит все снимки парочек, какие сделал за эти годы.

Космо записывал, как прилежный студент. Потом поднял взгляд от исчерканного листочка:

- Что-нибудь еще?

– Да, очень важное: он чувствует свою неполноценность, и это его бесит. Чтобы доказать, что он не только не хуже, но даже и лучше других людей, он подвергает их испытанию.

- Какому?

Маркус вспомнил, как юноша был вынужден заколоть любимую девушку, уверовав в то, что тем самым спасет себе жизнь.

Лживые носители лживой любви.

Так назвал их монстр в сообщении, оставленном в базилике Святого Аполлинария.

– Что-то вроде игры без шанса выиграть, направленной только на то, чтобы унижить партнера.

Космо задумался.

- Это, случайно, не имеет отношения к тому, что произошло в Остии?

Пенитенциарий промолчал.

Космо хохотнул:

– Друг мой, здесь, у меня, насилие – всего лишь спектакль. Те, кто приходит ко мне, считая, что преступают все пределы, на самом деле ничемные людишки, которые и мухи не обидят. То, о чем ты говоришь, – дело серьезное, вряд ли на такое решился кто-то из моих бедолаг.

- Тогда где мне его искать?

Космо на мгновение отвел взгляд, как следует оценивая ситуацию, а главное, прикидывая, можно ли доверять собеседнику.

– Я уже не в теме, но все-таки слышал кое о чем... Есть группа людей, которые, когда в Риме происходит кровавое преступление, собираются, чтобы отпраздновать событие. Они

говорят, что каждый раз, когда приносится невинная жертва, происходит выброс негативной энергии. На празднествах они воспроизводят произошедшее, но на самом деле это всего лишь предлог, чтобы накачаться наркотиками и заняться сексом.

– Кто туда ходит?

– По мне, так те, у кого не все дома. Но также и богачи. Ты не представляешь, сколько народу верит в эту фигню. Все анонимно, попасть туда можно только при определенных условиях: тайна личной жизни свято соблюдается. Сегодня вечером они будут праздновать по поводу того, что случилось в Остии.

– Можешь сделать так, чтобы меня впустили?

– Каждый раз они выбирают новое место для встречи. Не так-то легко его узнать. – Космо явно колебался: не хотел впутываться в такое дело, вероятно думая о безопасности женщины и девочки, которые ждали его дома. – Придется снова связаться со старыми друзьями, – заключил он скрепя сердце.

– Уверен, у тебя не будет проблем.

– Кое-кому позвоню, – пообещал Космо. – В места, где они собираются, нельзя попасть без приглашения. Но ты должен быть начеку, это опасные люди.

– Приму все меры предосторожности.

– А если я не смогу тебе помочь?

– Хочешь, чтобы на твоей совести появились еще трупы?

– Ладно-ладно, понял, сделаю все, что смогу.

Маркус подошел к столу, взял ручку и листок, на котором Космо делал пометки, и сам что-то записал.

– Как только выяснишь, как мне пройти на празднество, позвонишь на эту голосовую почту.

Вглядевшись в листок, Космо увидел, что рядом с номером написано что-то еще.

– Что это за «соляной мальчик»?

– Если ты, звоня кое-кому, случайно упомянешь также и это, буду тебе очень благодарен.

Космо задумчиво кивнул. Маркус покончил с делом и мог уже уходить. Но как раз когда он повернулся к двери, Бардита спросил:

– Почему ты тогда выпустил меня?

Пенитенциарий ответил, не оборачиваясь:

– Сам не знаю.

11

Батиста Эрриага в шестьдесят лет считал себя человеком осмотрительным.

Но он не всегда был таким. В юные годы, на Филиппинах, он понятия не имел о том, что такое осмотрительность. Наоборот, много раз испытывал судьбу – и саму смерть – из-за своего несносного нрава. Если рассудить хорошенько, от своего хулиганского поведения он не получал никаких выгод, всего лишь тешил тщеславие.

Ни денег, ни власти, ни, разумеется, уважения.

Но именно тщеславие послужило причиной несчастья. Событию этому суждено было определить всю его дальнейшую жизнь, хотя Батиста ни о чем таком и не догадывался.

В то время ему исполнилось шестнадцать лет, и он делал начес на макушке, чтобы казаться выше ростом. Он души не чаял в своей шевелюре цвета воронова крыла и похвалялся ею. Каждый вечер мыл голову и натирал кокосовым маслом. У него был гребешок из слоновой кости, который он стащил с лотка. Батиста носил его в заднем кармане брюк и время от времени вынимал, чтобы поправить плотный завиток на лбу.

Он важно шествовал по улочкам родной деревни в облегающих джинсах, которые мать пошила из полотнища старой палатки; кожаных сапогах, купленных у сапожника за гроши, потому что на самом деле они были стачаны из прессованного картона и намазаны гуталином; и в зеленой рубашке с круглым воротничком, тщательно выглаженной и всегда безупречно чистой.

В поселке его называли «Батиста-щеголек». Он гордился таким прозвищем, пока не обнаружил, что на самом деле над ним смеялись и за глаза называли сыном дрессированной обезьяны, поскольку его отец-алкоголик ради стаканчика был готов на все и часто развлекал завсегдатаев таверны, разыгрывая унижительные смешные сценки только ради того, чтобы ему налили стаканчик.

Батиста ненавидел отца. Ненавидел то, как он жил: гнул спину на плантациях, а потом попрошайничал, убажывая свои пороки. Норов он показывал только с женой, когда вечером возвращался пьяный и вымещал на ней все унижения, какие претерпел от других. Мать Батисты могла бы защитить себя и с легкостью его одолеть, поскольку пьяница едва держался на ногах. Но она терпеливо сносила удары, только чтобы лишний раз не унижить мужа. Ведь так или иначе он был ее мужчиной, она по-своему любила его и защищала. Поэтому Батиста ненавидел также и мать.

Из-за испанской фамилии Эрриага принадлежали в деревне к низшей касте. Прадед Батисты решил назваться так в далеком 1849 году, при генерал-губернаторе Нарсисо Клаверии. Клаверия обязал филиппинцев, которые изначально не имели фамилий, выбрать себе какую-нибудь по собственному усмотрению. Многие позаимствовали фамилии у колонизаторов, рассчитывая на их благоволение, не зная, что таким образом запятнают не только себя, но и своих потомков: их презирали испанцы, не желавшие иметь с ними ничего общего, и ненавидели филиппинцы, сохранившие собственные традиции.

Тяготило Батисту также и имя, выбранное матерью, чтобы подчеркнуть их приверженность католической вере.

Только один человек, кажется, не обращал на все это ровно никакого внимания. Его звали Мин, и он был лучшим другом Батисты Эрриаги. Был он высокий, плотный – настоящий великан. С первого взгляда он внушал страх, но в действительности никому не мог причинить зла. Он был не то что тупым, но очень наивным. Этот великий труженик мечтал стать священником.

Батиста и Мин проводили много времени вместе; между ними была заметная разница в возрасте, другу перевалило за тридцать, но это их не волновало. Даже можно было сказать, что Мин заменил Батисте отца. Защищал его, давал ценные советы. Поэтому Батиста ничего не сказал ему о том, что задумал.

Действительно, на неделе, когда случилось событие, изменившее всю его жизнь, юный Эрриага добился того, что его приняли в банду «Солдаты дьявола». Несколько месяцев Батиста обхаживал их. Все они были более-менее его сверстниками. Самому старшему, который и был главарем, исполнилось девятнадцать.

Чтобы вступить в банду, Батиста должен был пройти испытания: застрелить свинью, перепрыгнуть через костер из горящих шин, обокрасть дом. Он отлично справился и заслужил кожаный браслет, символ принадлежности к банде. Этот отличительный знак предоставлял членам банды целый ряд привилегий: им задаром наливали спиртное в барах, проститутки шли с ними без всякой платы, и все без исключения уступали им дорогу на улицах. На самом деле никто им не предоставлял таких прав, юнцы присвоили их себе в силу собственной наглости.

Батиста, вступив в банду, чувствовал себя вольготно. Наконец-то он обелил свое имя от отцовской трусости. Никто больше не посмеет оскорбить его, никто не назовет сыном дрессированной обезьяны.

Но вот однажды вечером, гуляя с новыми приятелями, он встретил Мина.

Видя, как он выпендривается, шагая вместе с бандой в этом смехотворном кожаном браслете, друг стал подсмеиваться над ним. Даже назвал его дрессированной обезьяной, такой же, как его отец.

Мин это делал из самых лучших побуждений; Батиста знал, что, по сути, друг всего лишь хотел дать ему понять, что он совершает ошибку. Но его слова, его ужимки не оставили Батисте выбора. Он толкнул Мина, ударил его, будучи уверен, что друг не даст сдачи. В самом деле, он только громче расхохотался.

Батиста так никогда и не смог внятно изложить, что было дальше, откуда он взял палку, когда нанес первый удар. Он ничего не помнил. Позже он словно очнулся ото сна, весь в поту и в крови, а приятели испарились, оставив его наедине с трупом лучшего друга: тот, с проломленным черепом, продолжал улыбаться.

Следующие пятнадцать лет Батиста Эрриага провел в тюрьме. Мать его тяжело заболела, а в деревне, где он родился и вырос, его больше не удостоивали даже презрительной клички.

Но смерть Мина, великана, который хотел стать священником, несмотря ни на что, принесла добрые плоды.

Через много лет Батиста Эрриага вспоминал об этом, летя на самолете из Манилы в Рим.

Узнав о том, что случилось в сосновом лесу под Остией, он взял билеты на первый подвернувшийся рейс. Он летел туристическим классом, в простецкой одежде, в кепке с козырьком, ничем не отличаясь от соотечественников, которые направлялись в Италию, чтобы наняться в прислугу. Весь полет Батиста ни с кем не разговаривал из опасения, что его могут узнать. Зато хватило времени на размышления.

Приехав в город, он снял номер в скромной туристической гостинице, расположенной в центре.

И теперь сидел на заскорузлом покрывале и смотрел по телевизору новости, чтобы узнать больше подробностей о том, кого уже окрестили Римским монстром.

Это в самом деле случилось, сказал он себе. Мысль не давала покоя. Но может быть, делу еще можно помочь.

Эрриага выключил в телевизоре звук и подошел к столику, куда положил свой планшет. Нажал на кнопку, включая запись.

...был... Случилось ночью... И все поняли, куда он всадил свой нож...

...пришло его время... дети умерли... лживые носители лживой любви... и он был безжалостен к ним... соляной мальчик... если его не остановят, он не остановится.

Несколько фраз туманного послания, оставленного в исповедальне базилики Святого Аполлинария, которой некогда пользовались преступники для связи с полицией.

Эрриага повернулся к немоу экрану телевизора. Римский монстр, повторил он про себя. Бедные дурачки, они и не знают, какая опасность в самом деле нависла над ними.

Пульт дистанционного управления он выключил телевизор. Ему предстояла кое-какая работа, но следовало вести себя осмотрительно.

Никто не должен знать, что Батиста Эрриага находится в Риме.

12

– Кукла?

– Именно.

Комиссар Моро хотел удостовериться, что правильно понял. Сандра вначале была в этом достаточно уверена, но с течением времени засомневалась.

Узнав о самоубийстве судмедэксперта, а главное, о том, что он похитил улику с места преступления, был разоблачен и поэтому решился на такой отчаянный шаг, Моро обеспечил все меры секретности, заявив, что только он и ЦОС будут заниматься расследованием.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.